

ДМИТРИЙ ГАЛАНТЭ

УДИВИТЕЛЬНОЕ
РЯДОМ, ИЛИ
ТОТ САМЫЙ,
ИНОЙ МИР

ТОМ 1

Дмитрий Галантэ

**Удивительное рядом, или
тот самый, иной мир. Том 1**

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Галантэ Д.

Удивительное рядом, или тот самый, иной мир. Том 1 /
Д. Галантэ — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2016

Острюжетный роман о нашем современнике, оказавшемся неожиданно для себя в параллельном мире. Читающий мысли старик, орлы-перевозчики, говорящие лоси, шаловливые домовые и жизнь в подземных городах в этой реальности – обычное дело. Узнать тайну существования этого мира и причины своего появления здесь и предстоит герою.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Галантэ
Удивительное рядом,
или тот самый, иной мир
Том 1

*Дабы ваш дар истратить не напрасно,
Решил я книгу сочинить,
Чтоб вы в вечерний час уньня
Смогли свой ум расшевелить.*

Предисловие

Посредством обмена информации – обычного общения и чтения – совершенствуется восприятие, а вместе с ним меняется и многое другое. Можно научиться воспринимать углублённо практически всё в нашей жизни. Желательно, чтобы кто-то дал попробовать на вкус, но ещё лучше, если человек сам способен на это.

Управлять эмоциями – значит в какой-то (и немалой) степени управлять самим человеком. Если совершенно реальные эмоции вызваны чем-то выдуманным, то они всё равно действительны. Именно поэтому они более значимы, нежели надуманные эмоции, пусть и вызванные самой жизнью, а главное – они так и воспринимаются мозгом.

Говорю или пишу я, а кто-то читает. Я вызываю определённые образы, ощущения, мысли, ассоциации, и они все, в совокупности, усиливают сами себя и в какой-то момент начинают влиять. И тем сильнее влияют, чем больше в них содержится истины, понятной читателю. А далее подключаются воображение и фантазия.

Итак, читающий сейчас эти строки уже некоторое время думает моими мыслями. Ты читаешь слова, и моя мысль звучит в твоей голове, произнесённая уже тобой! А потом это может заинтересовать, заставить основательно задуматься и в дальнейшем повлиять на поступки.

Всё происходит вовремя. Никогда не бывает поздно сразу для всего. Ведь обязательно имеются вновь открывшиеся обстоятельства, сулящие новые горизонты. Если что-то произошло, то оно есть, и при желании это можно осознать и ощутить, а значит, и повернуть нужным образом. Как бы нам ни хотелось свалить всё на обстоятельства, попенять на несвоевременность и на этом обречённо успокоиться, делать подобного не следует. Да и вообще, откуда нам знать, насколько бы ужасно всё было, дай нам некто прямо сейчас то, что нам позарез необходимо?

Всё приходит так вовремя, как только может, а потому и всегда к месту. Хотя, на первый взгляд, вечно чего-то недостаёт, многое хочется заполучить поскорее и побольше, но дай только нам недостающее – и мы не будем знать, как этим распорядиться. Мало того что обязательно всё бездумно потеряем, так ещё умудримся навредить и наделать гадостей окружающим. Обделаемся по самые уши, а потом станем обвинять в своих же просчётах всех и вся... и страдать! Так мучительно, горько страдать!

Именно для нас что-то способно произойти лишь тогда, когда мы готовы это воспринять! А если оно происходит, но мы не воспринимаем, не замечаем, – его будто и не было вовсе. Кто знает, сколько всего важного и интересного происходит в момент, так и не случившийся для нас.

Прочтение этой книги займёт около двух суток чистого времени, но чтобы понять, что именно хотел поведать автор, его понадобится несоизмеримо больше.

Это произведение может оказаться особенно интересным для читателя, имеющего богатое воображение и развитую фантазию, а посему потраченное время ни в коей мере не будет выброшено на ветер.

Здесь каждый найдёт для себя нечто занимательное и интересное, а фантазии, подхваченные здоровым воображением, окунут читателя с головой в другую реальность, заставив сопереживать и становиться участником необычных событий.

Эта почти правдивая история повествует о человеке из нашей, во многом абсурдной и до парадоксальности нелепой действительности, совершенно случайно, как ему тогда казалось, получившем уникальную возможность проникать в другой, неведомый, удивительный – иной мир и обратно. Мир, в котором не только жизнь и отношения, но и сама природа совершенствовалась по-иному, без навязанной помощи извне.

Герой поневоле вынужден сравнивать этот мир с тем, откуда он пришёл. Со временем ему становится всё труднее решить, какой из них следует считать своим.

Книга написана в смешанном жанре. Удивительные приключения, описания девственно-чистой природы, философские мысли, фантастика, лёгкая детективная линия, практические полезные советы и поучительные, порой смешные житейские истории, которые имеют место в жизни каждого человека – вот что ждёт читателя. И это при полном отсутствии разврата и алчных призывов к грязной власти денег. Широко используются пословицы и поговорки, простонародные выражения и забытые малоиспользуемые слова. Также в ней уделено немалое место сказочным персонажам вроде домовых, лесовиков, леших. Наряду с серьёзными событиями и сложными, порой опасными ситуациями всегда находится место иронии, юмору и сарказму, язвительно источающему малоприятную правду и высмеивающему тщательно скрываемые недостатки. У главных героев есть одно редкое качество, ошибочно считающееся довольно распространённым, – они умеют дружить, помнить и ценить добро.

Автор смеет надеяться, что его произведение придётся по нраву определённым, хоть и немногочисленному кругу читателей, не желающих мириться с повсеместным навязыванием современного убогого стиля общения и чуждого, инородного образа жизни, пусть и вполне устраивающего некий, далеко не лучший слой общества, возомнивший о себе невесть что. Вполне возможно и то, что эта книга заставит кого-то задуматься о бытии и взглянуть по-иному на некоторые аспекты своего существования.

По мере многократной доработки книги с автором произошёл ряд неожиданных и необычных событий, вынудивших его призадуматься и, как следствие, несколько переменить своё отношение к жизни. Как оказалось, события носили положительный характер, хотя сначала и выглядели довольно трагично. По крайней мере, для него самого. Близкие люди, читавшие её, отмечали такое же влияние. Вполне возможно, это простое совпадение или самовнушение. Тому, кто держит сейчас в руках эту книгу, предлагается проверить, опровергнув или подтвердив подобное воздействие.

Контактный телефон: 121656198. Номер зашифрован кодом знаменитого изобретателя и художника прошлого. В нём отсутствуют последние две цифры – это возраст, в котором вечно пребывают некоторые представительницы, прикидывающиеся слабым полом. В зависимости от амбиций сих достойных и, как правило, взбалмошных особ, единицу в номере следует прибавить или отнять.

Все факты и события являются выдуманными, а совпадения случайными. Повторенная же несколько раз случайность является уже закономерной случайностью, а в некоторых случаях – даже случайной закономерностью. Если кто-то встретит себя на страницах книги, не стоит отчаиваться. Будьте спокойны, это лишь случайность. И в любом случае виноват в этом кто угодно, только не вы! Уж это как пить дать, наверняка.

* * *

Глава 1

Необычное явление

С течением времени неминуемо начинаешь всё отчётливее и яснее осознавать тот неоспоримый факт, что жизнь являет собой длинную и непрерывную череду неприятностей. Большие, серьёзные, они наваливаются, порой меняют самым коренным образом наше дальнейшее бытие, оставляя неизгладимый отпечаток. Но, конечно, бывают и лёгкие, как чих младенца, малоприятные недоразумения, по прошествии времени и не сразу вспомнишь о них. Вскоро они и вовсе исчезают, словно стираются из памяти, улечувываясь и растворяясь в безбрежном океане муторной повседневности. Правда, иногда, в особенно интересных случаях, эти мелочи могут аукнуться «фолликулярной ангиной», напомнив о себе так, что подскочишь и сразу «зачешешься», всё вспомнишь и крепко призадуматься.

Правильно гласит народная мудрость: жизнь полосатая, словно шкура зебры. Это высказывание является более точным, нежели банальное сравнение с тельняшкой, ибо тёмные и светлые полосы на шкуре зебры иногда переходят не в противоположный цвет, а в свой собственный. На тельняшке же полосы чередуются и идут примитивно параллельно, а такая жизнь возможна только у бездушной запрограммированной железки.

Неприятности и досадные падения сменяются временным затишьем или передышками, ими нужно суметь правильно воспользоваться, дабы не напустить на себя рой новых, ещё более серьёзных напастей, которые вполне могут вылиться во что-нибудь непоправимое. А уж коли такое произойдёт, тогда держись! Пришла беда – отвори ворота: дорвавшиеся до своего любимого и где-то нужного дела неприятности, напасти и недоразумения тут же перестанут быть лишь досадными. Они, словно снежный ком, быстро перерастающий в смертельно опасную лавину, несущуюся с оглушительным рёвом с крутой горы и сметающую всё на своём пути, завалят и безжалостно раздавят, не оставив от тебя мокрого места. И тогда не будет никакого, даже самого маленького шанса на восстановление. Неприятности завершат, таким образом, своё коварное предназначение – естественный отбор в современных джунглях.

Восстановление же – вещь крайне тонкая и порой не лишённая приятности, но хрупкая и вместе с тем серьёзная, важная и ответственная. Иной в столь непростой момент жизни предаётся безудержным возлияниям, упиваясь зельем безмерно, жадно и одержимо. А кто-то начинает с многократно усиленным усердием заниматься любимым делом, зачастую никчёмным и бесполезным, но необходимым и нравящимся лично ему, опасаясь не успеть завершить его до следующей неизбежной неприятности. Одни путешествуют, другие занимаются опасным или редким видом спорта. Я же люблю в этом деле разнообразие. Порой и сам не ведаю, чего могу возжелать.

Всё зависит от настроения, которое, в свою очередь, зависит от обстоятельств. А эти самые обстоятельства я всю жизнь и пытаюсь приручить. Хоть и не так часто, как хотелось бы, но иногда получается. Можно сказать, что приручение идёт с переменным успехом. И не очень понятным остаётся лишь одно: кто кого приручает – я обстоятельства или они меня!

Возвращаясь к способам восстановления, могу порекомендовать один чудодейственный метод – поход в лес по грибы. Главное условие и одновременно залог успеха – уходить подальше от населённых пунктов и продуктов их разложения, которые называются последствиями жизнедеятельности. Дёшево и сердито!

Эта история начиналась в ничем не примечательный, пасмурный, дождливый день. Ничто не предвещало тех необыкновенных и удивительных событий, которые вскоре начали происходить со мной и происходят до сих пор. Правда, много позже мне стало казаться, что было у меня робко проклёвывающееся предчувствие, на которое я не обратил должного

внимания, а отмахнулся, как от назойливой мухи. Стоило прислушаться к этому и вовремя разгадать, и тогда всё могло быть совершенно иначе.

Человеку свойственно приписывать как себе, так и другим мистические, волшебные и пророческие способности. Многие кудесники очень любят это делать задним числом, когда что-либо уже свершилось, а особенно что-то страшное или трагичное. Причём они, великие потомственные знахари в седьмом с половиной колене, похоже, сами в это свято начинают верить. Да, самовнушение – штука непростая! Приукрасят, понапридумывают, нагло приврут где нужно, уверят себя для пущей убедительности, и вперёд! Имел я удовольствие лично слышать множество откровенно абсурдных рассказов, поведанных мне самым доверительным тоном. Тайнственно, с придыханием, трясущимися губами и неподдельной дрожью в голосе, а коли всё это сказано в подобающей обстановке и при определённом настрое – эффект бывает поразительным! Даже верующих в здравый смысл мороз пробирает по коже. Прямо театральное действие!

Ради справедливости надо отметить, что были среди этих историй и заслуживающие внимания. Некоторые самые удачные былины я даже додумывал и приукрашивал в силу своих скромных способностей, приберегая их до поры до времени, дабы не ударить лицом в грязь и достойно ответить эдакому пламенному любителю научно-популярной фантастики с потусторонним уклоном. Ввести его в глубокий транс удивительно правдивым рассказом, поглядеть, как он таращит в мистическом экстазе глаза и бухается в спасительный обморок. Спасительный потому, что я всё равно на этом бы не успокоился и непременно рассказал ему ещё парочку подобных душещипательных историй. И тогда – страна грёз или жёлтый дом с основательно подмоченной репутацией. Одно из двух! Иного выхода нет, это и ежу понятно.

Итак, вернёмся к нашему ненастному деньку, когда я, вырвавшись наконец из города, отправился на дачу к родителям с целью уединения и обследования местных дремучих лесов на предмет любимых грибов. Это теперь мне очень нравится собирать грибы, но так было далеко не всегда. В далёком и радостном детстве я любил их только есть и весьма тяготился лесными походами. Со временем, а главное, с помощью родителей, выражающейся в настойчивом навязывании и принуждении, я страстно полюбил и сам процесс сбора. Да так полюбил, что теперь и за уши не оттащишь!

Идёшь себе по лесу, радуешься тишине и покою, думаешь о своём, никому не мешаешь, и тебе никто не мешает. Красота, да и только, кто понимает! А остановишься вдруг, прислушаешься, приглядишься – и тут же начинаешь различать целое множество разнообразных звуков и удивительных картин.

Лес – могучий единый организм, живущий полной, настоящей жизнью, скрытой от постороннего глаза, словно защитным куполом, кронами деревьев, где царят свои вечные и верные правила. А ты будто попал в иной мир, коренным образом отличающийся от привычного своей гармоничностью, размеренностью и глубоким смыслом, где ничего не происходит без толку, всё идёт своим чередом, из всего извлекается наибольшая польза. В любое время года он великолепен. В лесу всё совершенно, нет ничего лишнего. Так обстоят дела до тех пор, пока в это великолепие не вламывается самое глупое и вредоносное на свете существо – человек прямоходящий, пустоголовый, кругом гадающий.

Накрапывал мелкий дождик. Стоило слегка коснуться какой-нибудь ветки, как на тебя с отяжелевшей листвы обрушивался не очень-то приятный и довольно прохладный душ. Дождик то усиливался, и тогда приходилось искать густое ветвистое дерево, чтобы укрыться и не вымокнуть до нитки, а то и вовсе прекращался. Солнце, изредка выглядывавшее до этого, теперь совершенно скрылось за низко нависшими свинцовыми облаками.

Грибов было немного, но всё же были, поэтому возвращаться домой пока не хотелось. Видимо, я ещё недополучил своей порции лесного счастья. Дождь мерно постукивал по листве. Ощущался целый букет ароматов: приятно пахло хвоей и прелыми листьями, мхом и грибами,

лесными цветами и травой и ещё непонятно чем. Всё в совокупности создавало неповторимый лесной дух. Этот дух жадно впитывается телом, каждой его порой, каждой клеточкой. Организм насыщается им, словно терзаемое жаждой, измученное животное, пьющее кристально чистую воду из ручья, тем самым очищаясь и исцеляясь.

Воздух вокруг необычайно прозрачен и свеж. Тихо и уютно, невольно и в душе воцаряются покой и умиротворение. Все неприятности и невзгоды отходят на задний план. Это ещё одна из причин моей любви к подобным прогулкам, во время которых набираешься моральных и физических сил.

Шёл я вдоль довольно большого оврага и, за неимением грибов, наслаждался запахами и видом мокрых деревьев, шевелящих ветками-руками, будто смывая накопившуюся за жаркие деньки пыль, чтобы засверкать, переливаясь, обновлённой листвой. Вскоре погода испортилась настолько, что неплохо было бы где-нибудь укрыться. Лес был дремучим, но подходящего раскидистого дерева с густой листвой поблизости, к моему глубочайшему сожалению, не нашлось. Зато край оврага таким замечательным образом нависал, образуя козырёк, что грех было не воспользоваться этим укрытием, которое заботливая природа любезно предоставляла измученным непогодой путникам вроде меня, словно извиняясь за доставленные неудобства.

Я с благодарностью принял извинения и спустился в овраг, встав под навес из переплетённых корней и дёрна. Становилось прохладно и зябко, изо рта шёл лёгкий парок.

С раннего детства я люблю непогоду, естественно, когда сам надёжно укрыт от неё. Во время дождя или снега на меня находит спокойствие, хорошо думается, появляется чувство защищённости и свободы.

Отдыхая и покуривая, я раздумывал: а не достать ли из рюкзака термос с чаем и бутерброды, чтобы стало совсем хорошо? Над головой причудливыми узорами свисали мочалкообразные хитросплетения корней, словно сотканые из толстенных нитей и канатов кружева. Видно было, что с течением времени овраг продолжал осыпаться и, следовательно, постепенно, но неудержимо расширяться. Об этом факте говорили свежие следы множественных обвалов почвы.

В одном месте я заметил что-то похожее на небольшую нору, в которой вполне могла жить-поживать лисица или даже средних размеров волк. Но никаких следов животных вокруг видно не было. Я машинально постукивал палкой по краям норы, представляя, что сейчас оттуда кто-нибудь как выскочит, как выпрыгнет, и пойдут клочки по закоулочкам! Края дыры довольно легко осыпались. Она делалась постепенно всё больше и больше, увеличившись настолько, что я при желании мог протиснуться в образовавшееся тёмное отверстие. «Ну, – думаю, – вот и славно. Если дождь усилится, то расширю её ещё немного, залезу и буду здесь жить!» Шутки шутками, а дождик и не собирался заканчиваться, небо ещё сильнее обложило и затянуло низкими тучами.

Вот и капать начинает с краёв козырька и с корней, накаркал! «Мало радости тут мочнуть», – подумал я, начав целенаправленно расширять лаз, ковыряя и обстукивая его края походной увесистой палочкой. Земля в том месте была рассыпчатая: лесной перегной с небольшими примесями глины и песка. Осыпалась она крупными комьями, легко поддаваясь моим усилиям. Поэтому в считанные секунды я расширил проход настолько, что лишь слегка нагнувшись, мог свободно протиснуться внутрь открывшейся передо мной пещерки, что и не преминул сделать. Наклона вниз образовавшийся лаз практически не имел, зато дальше немного расширялся, образуя подобие галереи с полукруглыми земляными сводами. Специфически пахло сырым подземельем. Хоть коридор и был довольно просторен, но приди мне в голову мысль посмотреть, что на другом его конце, – пришлось бы двигаться на четвереньках. А подобный способ передвижения меня не очень воодушевлял.

Довольный до невозможности тем, что удалось найти укрытие от непогоды, я совершенно спокойно уселся на ведро с грибами правым боком к тоннелю и, соответственно, левым

к выходу. Теперь я уже наверняка решил напиться горячего крепкого чая с чабрецом и наесться вкусных домашних бутербродов с запечённым в духовке мясом, сыром, помидорами и зеленью.

Отобедать на природе! Что может быть лучше? Но сначала нужно хорошенько проголодаться, утомиться как следует и нагулять здоровый волчий аппетит. Да так нагулять, чтобы запах пищи обострённо и жадно воспринимался истосковавшимся обонянием. Только тогда включатся естественные процессы пищеварения при виде еды: потекут слюнки и всюю начнутся внутриутробные завывания с перекатами. А коли получится иначе и аппетит не нагуляется в должной мере, то эффект будет с гулькин нос, а удовольствие слабоватым. Разумеется, сознательно нагуливают аппетит только истинные гурманы, употребляющие в пищу домашние, простые, но качественные и проверенные продукты. Проглотам же, закидывающим в себя, словно в помойку, что ни попадя, этого никогда не понять. Правда, долгожданным подобный аппетит можно назвать, когда пища имеется в достатке, а ежели она отсутствует, то этот самый аппетит сразу превращается в «к сожалению, ожидаемый».

Так и у меня получилось. Сперва проголодался по всем правилам искусства, а затем отобедал по полной программе! И на этот раз мне крупно повезло: зверски нагулянный аппетит и глубочайшее чувство удовлетворения, всегда посещающее моё брненное тело в минуты скромного насыщения, присутствовали в полной мере. Было очень вкусно, слов нет! Всем рекомендую подобный способ потребления пищи. Это несравнимо прекрасней, нежели примитивное посещение наших ресторанов с их обычной человекообразной публикой. Лучше бутерброд с чаем в лесу среди раскидистых дубов и ядовитых поганок, чем изысканные кушанья в ресторане среди тех же дубов и поганок, но только принявших человекоподобный облик, а попросту – среди явных дубин и откровенных поганцев обоих полов.

Хотя теперь, как оказалось, пола вовсе не два – мужской и женский, как и должно быть в природе, а целых три! Как же надоели эти мутации и извращения! Это же надо, количество полов сравнялось с числом родов, ковыляя, добавился ещё один, дефективный и смешанный – средний. Средний не средний, так, непонятно какой, но отвратительный настолько, что похорошему это надо бы тщательно скрывать, а не выпячивать подобные убожества на каждом углу! Но что делать? Это же не лес, где всё чётко и ясно, где вряд ли встретишь медведя-гомика или лося-педика, зачем-то гонящегося сломя рога за слегка розоватой зайчихой!

Никуда не торопясь, я закончил трапезу и степенно закурил, с наслаждением выдувая сизый ароматный дым вперемишку с паром. К своему удивлению я заметил, что дым не выходит наружу, а плавно засасывается внутрь, в самые недра пещеры. Это означало, что нора имеет выход. Но я совершенно точно знал, что в радиусе ближайших двадцати-тридцати метров никаких нор не было! Разве что отверстие совсем маленькое? Или их даже несколько, где-нибудь под корнями деревьев или кочками? Да, наверняка так и есть! Пролететь, что ли, немного внутрь и посмотреть, куда затягивает дым?

Подобное решение окончательно созрело, как только боковым зрением я заметил на полу что-то светяще-шевелиющееся, будто живое, чего раньше не было. Вот и клочки с закоулочками пожаловали! Наверное, это горящий в темноте дьявольским огнём огромный, размером с тарелку глаз свирепого подземного хищника, пока не известного науке благодаря своей кроважной прожорливости.

Резко, с неожиданно-противным хрустом повернув голову и чуть не свернув этим движением шею, я вытаращил глаза, пытаюсь разглядеть это нечто. Надо думать, видок у меня был весьма необычный! Если в тот момент мне бы довелось увидеть себя со стороны, то я, как пить дать, издевательски наслаждался бы своим искренним удивлением и натуральным недоумением. Но тогда мне было не до смеха!

Метрах в десяти от меня что-то засверкало довольно ярко и, как мне показалось, вызывающе нагло. Оно шевелилось, меняясь в форме и размерах. «Не пора ли заканчивать размышлять и пялиться, – пронеслась мысль, – а побыстрее удирать отсюда? Вдруг это пятно живое?»

Ещё покусает... или вообще сожрёт и не подавится! Вместе с грибами сожрёт! Вот здорово, сам пришёл и гарнир с собой принёс – собственноручно собранные грибочки. Но раз до сих пор не съело и даже табачный дым вынесло, значит, либо не живое, либо терпеливое. Или слишком хитрое. Ждёт-выжидает, когда я всю стаю приведу. Тогда можно будет и запасы на зиму сделать в виде мясных консервов».

Пока я усердно размышлял о природе этого необычного явления, оно, видно, обидевшись на моё невежество, взяло да и исчезло. «Ну и хорошо, – выдохнул я облегчённо, – баба с возу – кобыле легче». Рассказать кому, не поверят или скажут: «Сдвинулся! Всякие горящие голым огнём пятна ему в лесных норах мерещатся! Одному-то по лесу шататься – и немудрено!» Но когда пятно вновь замаячило на том же месте, я твёрдо решил разобраться и узнать, что это за феномен такой завёлся и безобразничает, издеваясь надо мной.

Так иногда бывает – увидишь что-то необычное и начинаешь рисовать в воображении разные чудеса, а разберёшься – окажется всё настолько просто, что даже обидно делается! Сейчас слазаю, а вернее, схожу. Ход дальше намного шире, но не очень просторный, словом, не метро, идти придётся сильно согнувшись. Вот сейчас посмотрю, разберусь...

Сходил на четвереньках и выяснил. Всё оказалось очень просто, как я и предполагал, проще пареной репы. Это самое пятно было совсем даже и не пятно, а небольшая лужица на плотном, будто утрамбованном глиняном полу хода. В этой лужице, как в зеркале, отражался лучик солнца. Метрах в восьми от неё, под небольшим наклоном вверх, был выход из тоннеля – небольшое отверстие, в которое и проникал тот самый лучик. Мне стало на мгновение легче, но сразу возникла другая проблема, от которой, очевидно, выражение моего лица приняло опять удивлённый и даже ошарашенный вид. Только теперь я стоял на четвереньках, да ещё с ножом в зубах, словно заправский пират, и если с отсутствием попугая на плече легко можно было смириться, то поза не очень-то располагала к размышлениям. В ней ощутимо недоставало солидности и самоуважения, что вызывало инстинктивное напряжение, к которому, к сожалению, многие привыкают... со временем.

Я почувствовал, как у меня зашевелились волосы. Или это просто земля осыпалась сверху? В сознании пронеслось: если впереди солнце – это очень хорошо, но почему тогда сзади дождь? Или он закончился? Но этого не может быть, ведь прошли считанные секунды! Или мне так только казалось, а на самом деле я уже давно стою здесь в этом неудобном положении?

Так думал я, пятясь задом, словно рак, до конца не определившись – огорчаться или радоваться? Дополз до родного пластикового ведра с грибами. Классической корзине я всегда предпочитал ведро, потому что оно может быть использовано и для других целей, например, как табуретка, или столик, или для мытья машины. Оно и находилось всегда в багажнике, а тот, в свою очередь, в самой машине, которая, между прочим, осталась на даче у отца в трёх-четырёх километрах отсюда, а может быть, и пяти, да ещё лесом! Так что если мне откусят что-нибудь существенное и безмерно близкое, то ковылять ползком до машины будет затруднительно и весьма проблематично.

С этими мыслями я добрался, наконец, до входа. Какое там солнце? Дождь нагло и упорно как ни в чём не бывало продолжал идти. Злосчастное пятно вместе с тем исчезло. Неужели, пока я пятился, солнце опять спряталось и пошёл дождь? Другого объяснения у меня не было. В тот момент, как сейчас помню, я чувствовал себя полным идиотом. И немудрено! Ведь если бы дождя не было, то я, естественно, пошёл бы дальше собирать грибы и дышать вкусным лесным воздухом. Но дождь шёл, а потому я решил ещё перекурить, так, про запас, и собраться с духом, а заодно с силами и мыслями. Не успел выкурить и половину сигареты, как моё лицо вновь приняло ставшее уже таким знакомым выражение ошалелости средней тяжести и, естественно, беспричинно! Вот он – дождь, а вон оно – солнечное пятно! А ещё говорят: чудес не бывает, чудес не бывает! Тогда что это такое? И посоветоваться не с кем! Хоть телефон

и есть, но попробуй расскажи кому-нибудь! Я первым высмеял бы сказочника, который бы попытался нести подобный бред сивой кобылы.

Таким безрадостным раздумьям предавался я, так и не решив, что мне делать дальше. Но решение было очевидно – лезть к тому выходу и посмотреть в глаза тому солнцу. Как бы удивительно это ни выглядело, но не уходить же не разобравшись. Уйдёшь, а потом никогда себе этого не простишь. Лучше жалеть о том, что было, чем о том, чего не было. Но это, кстати, тоже не всегда. Вряд ли кому придёт в голову сожалеть о несостоявшейся встрече, коли следствием её станет заражение инфекционно-вирусным заболеванием, даже если вы и являетесь яростным поклонником богини неписаной красоты – Венеры!

И решил я лезть. Метр за метром, как мустанг-иноходец (правая нога – правая рука), я пробирался к заветной цели, держа свой неизменный нож в зубах, пока наконец не добрался.

Что же я увидел? Обычный лес, обычное солнце, только одно необычно – на другой стороне хода всюду поливает нешуточный дождик! «Надо же, какой забавный случай, – подумал я, – а вылезать-то всё же придётся, хотя бы чтоб развернуться». И вылез. Огляделся. Вдруг меня осенило: раз уж дождя нет, то я имею счастливую возможность быстренько перейти поверху к своему заветному ведёрку и пойти себе собирать грибы дальше. Пошёл. Облазил всё в округе, но так и не нашёл не только ведра, но даже оврага! И опять мой разум отказывался понимать, старательно и настойчиво пытаюсь найти хоть какое-то логическое объяснение происходящему. Тут уж я дал волю эмоциям и высказался вполголоса, используя простонародные эмоциональные и малоиспользуемые выражения по поводу этой странной и удивительно-пугающей ситуации с упоминанием хитрого солнца, так похожего на фонарь, дождя и подземного хода! Я не на шутку расстроился по поводу своего, возможно, серьёзно пошатнувшегося здоровья, но всё же решил пойти к лазу и так, на всякий случай, попробовать пролезть через него обратно. И что вы думаете? Пролез совершенно легко и непринуждённо! И ведро с грибами, и дождь были на месте. Нашёлся и овраг, похоже, и не помышлявший никуда исчезать. Случай явно клинический! Вся надежда, что это галлюцинации, вызванные всего лишь переизбытком кислорода!

Решил я на днях вернуться к этому оврагу с кем-нибудь из знакомых и обсудить это непонятное явление природы, а может, и не только обсудить. Одному мне сейчас пытаться во всём разобраться было немного жутковато, а с кем-нибудь – совсем другое дело, за компанию-то и монах женился! Как говорится, одна голова хорошо, а две – лучше. Хотя, возможно, лучше было бы сразу обратиться к врачу. Но ход моих мыслей в этом направлении мгновенно прервался благодаря собственному опыту общения с теперешними эскулапами, которые деградировали в духе времени. Нет уж, спасибо! Галлюцинации на свободе в относительно добром здравии гораздо лучше, нежели быть залеченным заживо, да ещё со своей собственной подачи.

Я медленно брёл в сторону дач и думал о произошедшем со мной непонятном случае. «Озадаченный шёл к даче! Вот и думать стал в рифму! Ох, не к добру это всё! Что дальше-то будет? Увижу ли родных?» И юмор стал какой-то чёрный. Не до грибков уже.

Но через некоторое время всё вошло в норму, мрачные мысли улетучились сами собою, жить стало веселее. Не иначе волшебный, чудодейственный лес помог! Я же говорю, что иногда полезно прогуляться! Когда совсем полегчало, я совершенно случайно набрёл на пару удачных пней и набрал полное ведро мелких красивых опят и так, по мелочи, большой пакет благородных грибов, которые я ценю несколько меньше.

Через несколько дней заманил я на родительскую дачу (походом за всё теми же грибами) одного знакомого, редкой души человека. Правда, большого любителя прихвастнуть. Да и другие грешки за ним замечались, но не смертельные в основной своей массе. Так что ничего страшного в этом нет, я считаю, всё познаётся в сравнении. Взять любого высокопоставленного чиновника или церковника, да даже и тех, кто рангом пониже. Они же такое вытворяют, что чертям тошно делается! Их, чертей, прямо-таки наизнанку выворачивает от «бла-

гочестия» оных, в судорогах мутузит и немилосердно скручивает в бараний рог и обратно! И что же? Да ничего! Живут и благоденствуют, плодятся и процветают как сами, так и их выкормыши! А как иначе? Иначе никак! Практически у всех поганцев, явно убогих духовно, на лице и во всём облике отпечатаны все известные пороки общества... в многократном увеличении. Так отпечатаны, что и не сотрёшь – жизнь шельму метит!

А у кого с обликом всё в порядке, те ещё страшнее, о них-то, двуликих, и вообще не хочется думать, ибо ничего хорошего за ними не стоит. Объединяет же все эти порочные организмы то, что все они, сердешные, нашли свою кормушку. У одних это нефтяная труба или что-нибудь в этом роде, у других «заблудшие овцы», а вот третьи направляют и организуют первых двух ради неких сомнительных интересов. Налицо тройственный паразитирующий симбиоз. Для них выпить кровь невинного младенца – всё равно что высосать сигару, сидя на золотом унитазе и подёргивая ножками. Бывают, ясное дело, и исключения, только лишь подтверждающие правило. Говорят, что бывают. Наверное, бывают. Но я таких чудес пока не встречал, а все эти рассказы – пустое. Благочестивый церковник! Честный чиновник! Да ещё в придачу чином от ума не избавленный! Эти понятия несовместимы, смешно даже. Почему-то я считаю, что по сравнению с другими мой приятель – редкой души человек, прямо-таки ангел божий!

Так вот, пошли мы с этим святошей по грибы. И я повёл его напрямиком к заветному месту. Сразу же нашёл овраг, отыскал козырёк, но дыры не было. Я глазам своим не поверил! Залепили её, что ли? Сколько я палкой ни тыкал, никаких следов, ничегошеньки. Хорошо ещё, что я ему ничего не рассказывал, хотел удивить, а то бы точно прослыл сказочником, может, даже похлеще, чем он сам. Он и так распереживался за меня, наблюдая, как я с озабоченным видом палкой в землю тычу. Даже несколько раз повторил, что грибов тут нет и быть не может! Как будто я и сам этого не вижу! Хорош бы я был, заяви ему в тот момент: «Понимаешь, тут должна быть такая небольшая пещерка... мерцающий свет, тайный лаз и выход неизвестно куда, но там очень хорошо, я там был».

Теперь мне вдвойне было о чём призадуматься. Думал я, думал, но так ничего путёвого и не придумал!

И потянуло меня в следующий раз к этому загадочному оврагу, как муху на мёд или чиновника на мзду. Я и не сопротивлялся, пошёл. И что вы думаете? Вот она, дыра, на своём старом месте! Я глазам своим не поверил, проморгался, протёр их. Всё то же самое: лаз, пещера, мерцающий свет, и даже дождь снова накрапывал. Получалось, что это отверстие открывается мне, только когда я один. А не будь тогда солнца на другом конце, я вообще не заметил бы ничего, спокойно переждал дождь и ушёл, пропустив всё самое интересное. Но мне повезло, дождь был, и было солнце, теперь-то уж я всенепременно вылезу с другой стороны и разберусь, что тут за чудеса такие творятся! Настроение резко улучшилось, появился кураж, как перед прыжком с парашютом в неизвестность. Но прыгать я собрался в загадочный и неведомый, определённо скрывающий какую-то тайну, быть может, былинный или даже вещий лес. Ведь любому на моём месте было бы интересно! Тогда я даже предположить не мог, насколько затяжным окажется этот прыжок!

Мы способны выбирать себе будущее. Если знаешь, чего хочешь, и думаешь наперёд, ставишь перед собой разумные цели, шаг за шагом продвигаешься к ним, то начинаешь понимать, что уже не столь важен результат, как захватывает и приобретает смысл сам процесс стремления.

Возможно, мы вольны выбирать себе и настоящее при условии выполнения вышесказанного.

Но, оказывается, мы вполне способны менять своё прошлое. Сразу как-то не очень верится, но если подумать, то вдруг делается вполне реальным и это. Например, нам со временем всегда предоставляется возможность определить заново движущую силу тех или иных

своих поступков, а иногда удаётся разобраться и откопать их новую, истинную причину. Так что же это, если не изменение смысла произошедшего, то есть прошлого, и осознание себя другим в этом самом прошлом, а следовательно, и в настоящем, и в будущем?

* * *

Глава 2

Знакомство

Не впадая больше в степень крайнего удивления, а напротив, совершенно спокойно проделал я весь путь по тоннелю знакомым маршрутом и привычным образом, толкая перед собой ведро с ножом и грибами. Без всяких приключений я вылез с другой стороны на белый свет, практически не устав и особенно не испачкавшись. Кстати, никакой лужицы на дне прохода не было и в помине, наверное, испарилась или впиталась вся без остатка.

Встал на ноги и первым делом достал телефон. Решил посмотреть, есть ли чёточки, показывающие уровень связи. Их не было. Зато возникло ощущение, что воздух какой-то не такой, чище, что ли. Хотя комаров так же много, но вроде крупнее они стали. А может, всё это мне только кажется? Нет, что-то не то! А что не то, понять не могу! Но не то, и всё тут, хоть режьте меня без ножа! «Пойду, – думаю, – разведу поблизости, чтоб дырку ненароком не потерять». Достал компас, сориентировался, сделал надрезы на нескольких молодых деревьях, дабы издали были белые пятнышки видны, и отправился на север, подстраховавшись ещё по солнцу, которое светило мне в правое ухо.

Птички поют, кузнечики стрекочут, деревья шумят листвой. Воздух очень чистый и свежий, действительно пьянящий. Именно в воздухе главное, первое отличие. Мой организм сам ощутил и оценил разницу. Такое впечатление, что лёгким дышать стало гораздо легче. Частота вдохов стала реже, но воздуха за раз помещаться стало ощутимо больше. А может быть, этот эффект достигался тем, что местная атмосфера благодаря какому-то чуду была более насыщена кислородом или некой энергией? Точно сказать не могу, но то, что дышалось здесь несоизмеримо лучше и приятнее, это факт. Соответственно, при таких условиях и всё остальное казалось прекрасным.

Первое время я, как ребёнок, получивший новую игрушку, радовался в душе и наслаждался каждым вдохом, пытаюсь учиться различать ароматы, оттенки и послевкусие местного воздуха. Странно, но по примесям выхлопных газов и отбросам химических предприятий я пока не скучал. А вдруг мне страшно захочется вдохнуть каких-нибудь отравляющих веществ? Что я тогда буду делать, как мне без этого жить дальше? Ну да ладно, стану мучиться и дышать чистым воздухом, авось не помру, по крайней мере сразу. Поживу ещё немножко назло минздраву. Помучаюсь без ядовитых примесей и, если доведётся, проживу как-нибудь без рака и сердечно-сосудистых заболеваний. И даже не сыграю в ящик, как предусмотрено бюджетом, до достижения пенсионного возраста, к искренней досаде министров и всяких других членов... правительства. А чего не жить, коли никто не гробит? Вот поставлю здесь шалашик и заживу!

Всё это время я крайне осторожно пробирался по незнакомому лесу и пытался осознать и проанализировать то, что со мной происходило.

Вдруг меня что-то насторожило. Какой-то непонятный отдалённый звук. Остановился, прислушался. Кто-то продирается сквозь деревья и кустарник, по-хозяйски трещит ветками всё ближе и ближе.

Мне никогда не нравилось встречать в лесу людей. Вот и на этот раз я подумал: «Пусть себе спокойно пройдёт мимо, а я потом пойду своей дорогой». Но не тут-то было! Треск всё ближе, и кусты трясутся уже совсем неподалёку. Нашупал я в кармане перцовый баллончик для освежения дыхания недругов и жду с замиранием сердца: кто же сейчас появится?

Ждать пришлось недолго. Метрах в тридцати показался мелькающий среди деревьев силуэт такого же грибника, как и я. Конечно, в этом не было ничего особенного. Только направлялся он прямоком ко мне. Что же мне ему отвечать, если он заблудился и начнёт про дорогу спрашивать? Ведь раз оврага тут нет, то и дач может не быть и в помине.

Подходит бодрой, лёгкой походкой мужичок лет пятидесяти, не больше, с аккуратной седой бородкой, как у боцмана, среднего роста, нормального телосложения. Ничем не примечательный, только спокойствие от него какое-то исходит и доброжелательность. Что само по себе не могло не настораживать. Он мне сразу понравился, в старом и правильном смысле этого слова, с первого взгляда. Бывает, ну не нравится человек, хоть ты тресни, и ничего с собой поделывать не можешь. А иногда наоборот, как сейчас. А коли так происходит, то общение превращается в сплошное удовольствие. «Ну, – думаю, – надо быть настороже. Так всегда, сначала расположат к себе, а потом грибным ножичком чик по горлу, и грибы все отберут. Или ещё чего похуже удумают, всяко бывает, места здесь глухие».

– Здравствуй, сынок! Как грибы-то, есть? – спросил дед как ни в чём не бывало, почёсывая, а затем приглаживая боцманскую бородку.

– Есть, отец. А у вас как с этим обстоят дела, нашли что-нибудь стоящее? – вежливо поинтересовался я в свою очередь.

Он, хитро улыбаясь, опустил свою огромную корзину – вместимостью ведра три моих будет. Тяжеленная небось, потому и носил он её на широком плетёном ремне, перекинутом через плечо. Дед откинул небрежно накидку, эдакую защиту от листьев, хвои, веток разных, а там... красота! Грибок к грибку лежат молоденькие опята, лисички, белые – все крепкие, упругие, свежие, как на подбор. И почти полная корзина! У меня аж дух перехватило и настроение немного испортилось. А он, видя такое дело, остался очень собой доволен. Прямо-таки расцвёл весь, как майская роза. «Вот, – думаю, – хитрющий старец! Мало того что грибов набрал, удовольствие получил, так теперь ещё расхаживает по лесу, хвастается и сшибает лавры. Хоть и заслуженные, но всё равно! Другим-то обидно! Но каков хитрец этот старче, а!»

Слово за слово, разговорились мы с ним. И я в процессе начал потихоньку понимать, что он знает, из какой дыры я вылез. Например, он говорит, загадочно улыбаясь в бороду:

– А у вас, сынок, грибков, видать, не шибко много, как я погляжу. Лето засушливое выдалось, али грибники такие нерадивые пошли? Ну, ничего-ничего! Может, в следующем году повезёт. Или, коли желаешь, отсыпь себе моих грибочков, вон у меня их сколько! Мне не жалко для хорошего-то человека! А то что же это получается? Непорядок это, ох, непорядок! Тебе небось домой стыдно возвращаться будет! Эх, я-то тебя хорошо понимаю... ну так что, отсыпать?

Вот какой добренький оказался дедулька! Неспроста всё это, ох, неспроста, чует моё сердце. Устал я от всех этих пространных намёков и решил у него напрямую спросить, без обиняков:

– А куда же это меня занесло?

Он ничуть не удивился моему вопросу, только бороду почесал, потом пригладил, хитро прищурился и говорит:

– Я, сынок, тебе всё сейчас подробно расскажу, только давай присядем, чтобы ты не упал ненароком. А заодно и перекусим, так, запросто, по-свойски. Ты только меня не перебивай и не торопи, теперь времени у тебя мно-ого будет. Знаешь ведь народную мудрость: тише едешь – дальше будешь?

«Ну да, знаю, только дальше будешь от того места, куда едешь, это уж точно! Да что это у него за намёки такие?» – думаю про себя, а сам, из вежливости, молчу и улыбаюсь. Глупо-глупо улыбаюсь и прикидываю, чем бы таким его огреть, если что? Уж очень всё странно. Но вместе с тем и интересно, что же дальше будет.

Дед, аккуратно поддев носком сапога, откинул в сторону валявшийся под ногами толстый обломок палки, который я ещё раньше заприметил и уже прикидывал, с какой стороны за него сподручней схватиться, чтобы удобней было орудовать. Затем он достал из кармана какой-то свёрнутый клочок бумажки размером с ноготь на большом пальце ноги, встряхнул пару раз и разложил на земле... скатерть, я даже рот раскрыл от удивления. Осталось только раздвиг-

ные кресла-качалки с навесами из кармана вытащить да из рюкзака фонтан достать для пушего удовольствия. А он поглядывает на меня с улыбкой и говорит:

– Люблю я эту работу! Ты, мил человек, скоро устанешь удивляться. Просто-напросто утомишься, и всё тут. А фонтан нам сейчас без надобности. Толку, говорю, от него сейчас мало будет, только комаров лишних привлечёт. Фонтан хорош на солнышке, на самом пекле, да чтоб в него можно было окунуться, а ещё лучше нырнуть. И вода чтобы была студёная, родниковая.

Махнул он рукой, забористо крякнув, и, видя моё удивление, слегка смутился и сразу весь посерьёзнул. Я хоть и насторожился, но не стал показывать вида. Мол, всё путём, ещё и не таких развесёлых видали. Нужно было что-то отвечать, и я сказал:

– Ну да... ну да-а... фонтан... вода комаров точно привлечёт.

Всё, думаю, здравствуйте, девочки, приехали! Дедок ещё и ягнослышащий ко всему прочему, или как там все эти ненормальные называются? Час от часу не легче! Потому он и приглянувшуюся мне палку ногой откинул! Такого хитрого змея пенсионного возраста так просто на мякине не проведёшь, придётся, видимо, повозиться! Хоть и не хочется мне ввязываться во всякие там неприятности, но если уж прижмут, то придётся тряхнуть стариной! Это я имею в виду деда! Тряхнуть им разок как следует... вон хотя бы об то деревце.

Располагающий к себе крайне подозрительный пенсионер присвистнул как-то пронзительно, но не громко, показав на мгновение отлично сохранившиеся белые ровные зубы. «Наверняка вставные все, как один!» – подумал я, проводя языком по своим родным зубам и мучительно морщась, припоминая, когда в последний раз был у зубного лекаря. Но, однако, молодец старина, следит за собой! На какие шиши только, вот вопрос!

Снова раздался треск веток. С той стороны, откуда пришёл дед, кто-то довольно крупный приближался к нам. Быстренько, прямо-таки торопясь, ломился что есть духу. Наверное, стоял, поджидал условного сигнала. И я машинально провёл рукой по ножу, висевшему у меня на поясе. Потихоньку становится понятным, откуда у дедушки берутся средства на новенькие красивенькие зубки. Интересно, чем вооружён дед? Наверное, разделочный топорик под грибами прячет. А может, что и похлеще! Тут уж и не знаешь, чего ожидать от современных пенсионеров! Не удивлюсь, если у него любимый наганчик под плащом или кулацкий обрез, с которым ещё его батяня партизанил по местным лесам при царе Горохе.

И нестерпимо мне вдруг захотелось вернуться в родной лес. Да как уйдёшь? Дед, всё так же хитро улыбаясь, заглядывал мне в глаза, а я настороженно всматривался в приближающийся шум, судя по всему, не одной пары ног.

«Вот вляпался! И зачем я в эту дырку полез? Да тут их целая банда, а милый дедушка – главарь, атаман, а может, по совместительству, и ещё кто!»

Не успел я додумать про себя это, как к нам прямо-таки вывалился крупный лось с огромными раскидистыми рогами и выразительными влажными глазами. Через его мощную спину были перекинуты тюки с поклажей.

Так и оконфузиться недолго! Я мгновенно вспотел «от счастья», а от удивления раскрыл рот, даже не успев испугаться как следует. Красавец лось не вызывал иных чувств, кроме восхищения. Он только мельком взглянул на меня и сразу потянулся к деду мохнатыми большими губами. А тот что-то быстро поднёс к его морде на раскрытой ладони. Лось слизнул это и от удовольствия зажмурил глаза.

– Что же вы ему дали, позвольте поинтересоваться?

– Да любит, обормот, ржаные сухарики с солью. Это я его приучил, сам их очень люблю. А на одном участке лося приучили к таким же сухарикам, только ещё и с чесноком в придачу. Как натрескается он этих сухариков с чесночком, так потом его бедная лосиха морду два дня от него воротит и недовольно фыркает!

Дед, натужно покрякивая, стал доставать «из лося» простую, но аппетитно выглядящую пищу, для лучшей сохранности завернутую в листья растения, очень похожего на лопух,

но размером немного больше. Он тут же разворачивал листья и аккуратно раскладывал на ска-терти всевозможную снедь. Словно художник, любовно создающий редкой красоты натюр-морт, который предстояло не рисовать, а что самое приятное – есть. Редкая красота, как это часто случается, была в простоте: варёная картошка, яйца, хлеб, лук, мясо и зелень. И довер-шала всё глиняная бутылка литра на два, заткнутая здоровущей пробкой. Я сразу представил гулкий и протяжно-резонирующий звук, который раздастся при откупорке. Да, очень инте-ресно было бы узнать содержимое этой бутылки. Что здесь вообще пьют в это время года?

Дедовы продукты ничем особенным не отличались от наших, если только так, сушая безделица – отсутствие генетически изменённых компонентов, всевозможных ароматизаторов, красителей, усилителей вкуса и всякой прочей мерзопакостной гадости, мешающей человеку встретить достойно старость без букета смертельно опасных заболеваний. Эти заболевания настолько въедливы и страшны, что с лёгкостью передаются даже будущим детям того гурмана, который имел несчастье пристраститься к подобной пище, повсеместно навязываемой в наших продажных (во всех отношениях) магазинах.

Я тоже скромно достал съестное, но выглядело это совсем не так внушительно и аппе-титно, как у него.

Лось медленно отошёл в сторону и начал что-то жевать, фыркая и громко хлопая ушами, отгоняя таким образом комаров и надоедливую мошкарку.

«Вот молодец, – подумал я, – какой вежливый и тактичный!» И услышал в ответ тихий приятный голос, очевидно, лося, который с некоторой долей грусти молвил:

– Ну во-от, так я и знал. Теперь уж точно пировать засядут! Причём без всякого на то повода, прямо на ровном месте. Что ж, приятного аппетита, коли так! Если вдруг захотите меня чем-нибудь угостить, то я буду рядом, и стоит вам только дать знать, только намекнуть...

Мне некогда было особенно раздумывать над этим, потому что дед предложил садиться на траву возле скатерти с яствами, где сам он уже успел удобно расположиться. Трава была густая, сухая вперемешку с зелёной, и сидеть на ней было одно удовольствие. Я выбрал неболь-шую кочку и удобно примостился на ней. А насчёт говорящего лося, так я решил по мере воз-можности ничему не удивляться. Вполне вероятно, всё это я сам себе сказал, подумав за лося по аналогии со своим псом, который тоже не дурак перехватить вкусенького, когда ему пере-падает такая счастливая возможность или что-нибудь роняется со стола. Выходит, как в басне Крылова: «Вороне где-то бог послал кусочек...». Вот и я, глядя на уставленную яствами ска-терть, домыслил то, что мог чувствовать лось. Просто мысли мои, в силу пока не известных обстоятельств, приобрели более ярко выраженную форму, чем обычно.

Сам же я для себя решил: буду только смотреть, запоминать, а думать и пытаться анали-зировать стану потом. Если живым отсюда удастся ноги унести, улизнув невредимым из цепких дедушкиных лап, лосиных ветвистых рогов и огромных копыт. Молодец, дедулька, организо-вал даже не международную шайку, а ещё хлеще, межзвериную! Это ж как человека и несчаст-ных лесных животных довести надо было? Хотя всё правильно! С их-то неимоверно щедрыми пенсиями! Взвоешь тут, как миленький, по-собачьи и завизжишь по-пороссячи с предсмерт-ным голодным подвывом и похрюкиванием. Ничего другого и не остаётся, как идти простому люду в леса. А там, в милой сердцу глуши, да ещё и с честными благородными зверями, проще найти общий язык. Как говорил Высоцкий: «Если рыщут за твоею непокорной головой, чтоб петлёй худую шею сделать более худой, нет надёжнее приюта: скройся в лес – не пропа-дёшь, если продан ты кому-то с потрохами не за грош...» Получается, если что пойдёт не так, то выдрессированный лосья забодает и затопчет, а там и поминай, как звали! Словом, на рога наматает и по кочкам разнесёт, а концы в воду, и всё шито-крыто.

Но пока не бодали, и на том спасибо, авось пронесёт и дальше. Мы начали неспешно есть, разговаривая вполголоса. Вернее, говорил один дед, да изредка со стороны лося доносились всякие реплики.

Звали деда Дормидорф. Говорил он о том, что я попал через якобы волшебную дыру в другую жизнь, иной мир или другое измерение, где всё (или почти всё) в принципе так же, но совершенно по-другому, гораздо лучше, чем там, откуда я пришёл. Немного успокаивало то, что вернуться обратно я могу в любое время. Причём вовсе не имеет значения, сколько времени я проведу здесь. Чудеса... Когда я выйду из пещеры в овраг, окажется, что отсутствовал я несколько мгновений, но вместе с тем для моего организма время здесь течёт, как обычно. То есть если я выйду через год, то моё физическое тело станет старше на год.

Вскоре мы насытились, и настало время открыть секрет заветной бутылки, в которой оказался восхитительный домашний квас, да ещё и газированный. Я, кстати, хорошенько тогда запомнил рецептик и летом готовлю сей напиток, с удовольствием пью сам и угощаю желающих. Дед обещал разъяснять мне всё, что потребуется, по мере необходимости и предложил пройтись с ним до жилища, мол, там для меня будет много интересного.

Сомневаться в правдивости его слов пока не приходилось. Я, конечно, с опаской, но согласился. Любопытство взяло верх над осторожностью, и мы, сложив наши пожитки на лося, медленно тронулись в путь, не прерывая беседы.

Дед Дормидорф всю дорогу рассказывал всякие, как мне тогда казалось, небылицы, байки и занимательные истории. Ещё он весело подшучивал над лосем, который пристрастился к сочному стручковому гороху, что порой приводило к неконтролируемым звукам, сопровождавшимся характерным ароматом. Потому добровольно ходить за тем лосем никто не решался. И только ради смеха просили кого-нибудь, кто не знал об этой его особенности, идти сзади, задав предварительно лосю корма – свежего зелёного горошка. Поход продолжался до первого залпа и последующего взрыва хохота. Причём бесстыжий лосюра, как водится, веселился больше всех. Он радостно пофыркивал, взбрыкивая от переполнявшего его восторга, и тряс ветвистой головой, с треском задевая близстоящие деревья и кустарники.

Таким незамысловатым образом дед Дормидорф давал мне время осмыслить происходящее и принять правильное решение. Ведь каждый на моём месте был бы несколько выбит из колеи этими невероятными событиями. И спасибо деду, уж он-то это прекрасно понимал, а я имел возможность по достоинству оценить его тактичность.

Когда-то всё бывает в новинку, во всяком случае, для отдельно взятого человека. Он рождается и живёт, любит и умирает... и всё это когда-то бывает впервые. А вдруг новое – это лишь хорошо забытое старое?

Мы живём в бесконечной вселенной и якобы совершенно свободны. Только свобода возможна при наличии абсолютной неограниченности выбора, но такое невозможно. Зато есть относительная свобода, когда мы вольны решать жизненно важные вопросы самостоятельно и без давления извне... что тоже вряд ли. Но между тем каждый и теперь в чём-то свободен. Так же, как и я, ты можешь лишиться себя, например, жизни, и проверить, а что же там дальше по плану... или нет ничего, да и плана никакого нет и в помине. Это ли свобода и есть?

Сказать, что я – это вселенная, невозможно. Я – мельчайшая крупинка. И состою из бесчисленного множества ещё меньших частиц. А всё остальное – домыслы и разглагольствования! Узнать же, что на самом деле истина, возможно, нам никогда не будет дано, хотя мы в какой-то степени и есть плоды её и одновременно инструменты.

Понятие «безграничное пространство», как и «бесконечность», и «пустоту», элементарно представить при наличии определённого воображения и возможности видеть ночное звёздное небо или несколько больших зеркал, поставленных друг против друга. Но скорее это можно ощутить, глядя в глаза человеку, к которому испытываешь взаимные сильные чувства. А взгляд умирающего, который дорог тебе! Или самому убить близкое существо во имя милосердия и любви. Видеть глаза важно и нужно. Глаза – это проводник, главный лаз в душу. В них можно узреть и вселенскую пустоту, и безбрежное отчаяние, свободу и тяжесть, боль, и разные переплетения всего этого, ко всему будто прикоснуться. Можно испытать бесконечность

в чувствах и страстях. Разве же нам не знаком взрыв эмоций и состояние бесконечного счастья или бешенства, ярости? Всё это и есть те крайности, представить которые якобы не дано. Дано, и в какой-то мере это даже обыденно!

Пожелав, можно представить себе что угодно или, по крайней мере, коснуться и почувствовать, ощутить, уловить, будто лёгкий аромат. Человеческая мысль и воображение – вещи уникальные. Потому необходимо учиться пользоваться ими и их совершенствовать.

Жизнь – это сон, говорят. Не знаю, кто там кому снится, но мне нравится пытаться управлять этим сном и решать – спать ещё или уже настало время проснуться. И каждый раз вдруг находится кто-то или что-то, вызывающее у меня желание посмотреть ещё и ещё сон жизни потому, что в нём всё ново или просто каждый раз по-другому, по крайней мере, для отдельно взятого человека.

* * *

Глава 3

Селение. Пробный полёт

Постепенно дремучий лес начал редеть, и мы вышли как будто к дачам, но не к ним, это точно. Дома были совершенно незнакомой мне архитектуры, да и построены основательнее, из толстых брёвен. Некоторые были обложены кирпичом, но не простым, а несколько крупнее обычного и, казалось, ручной лепки. Дороги вокруг были щедро и красиво посыпаны крупной гранитной крошкой, которая приятно шуршала под ногами. Улицы селения были довольно широкими, а на равном расстоянии друг от друга висели старинные фонари на красивых столбах с коваными завитушками, шишками и виноградными гроздьями. Высокие толстенные заборы из камня окружали участки со стоявшими в глубине садов домами. Попасть внутрь можно было через дубовые, обитые железом ворота и калитки. Возле ворот стояли удобные деревянные резные лавочки со спинками. Всё сияло чистотой, было сделано на века, добротно. Яркий солнечный свет отражался в окнах домов и отсвечивал от полированных сидений лавочек. У меня появилось ощущение, что я попал в давно забытую детскую сказку. Одновременно с этим возникла уверенность: я здесь уже бывал. Всё вокруг родное, до боли знакомое и близкое. Людей на улице было совсем немного, где-то вдалеке мелькнули несколько раз какие-то силуэты и исчезли за калитками. Дормидорф пояснил, что в это время всё население занято по хозяйству, а на улицах народ появляется ближе к вечеру.

Меня удивил огромный страус, появившийся неизвестно откуда впереди нас. Словно на шарнирах крутящий маленькой, по сравнению с телом, головкой чуть ли не на триста шестьдесят градусов, он был явно возбуждён или чем-то обеспокоен и пытался заглянуть на ходу через забор, одновременно с надеждой искоса поглядывая на нас. При этом он умудрился схватить какой-то красный плод со свисающей над его головой ветки, ловко и высоко подпрыгнув. Пока мы шли, я насчитал штук пять таких разгуливающих птиц. И только решил задать вопрос Дормидорфу по этому поводу, как дед заговорил сам, зачем-то предложив мне выбрать понравившиеся ворота. Странное предложение и довольно трудная задача. Почему трудная? А они мне все нравились. По крайней мере, я бы ни от одних из них не отказался, установи их какой-нибудь волшебник мне на дачу, которой, кстати, у меня нет. И от такой дачи бы я не отказался, а потому наобум ткнул пальцем в ближайшие ворота. Мы открыли калитку и похозяйски зашли во двор. Дед первым, я за ним, а лось за мной, громко фыркнув на испуганно отпрянувшего страуса, под шумок попытавшегося проскочить за нами.

Позже на своём опыте я убедился, что страусы почему-то с опаской относятся к лосям, вот недолюбливают они их, и всё тут. Но наряду с этим они крайне любопытны и любознательны. Потому, видимо, этот первый встретившийся мне страус и показался необычным. Он просто раздумывал и колебался между желанием полюбопытствовать, присоединившись к нам, и инстинктивной потребностью задать хорошего стрекача. Да, припустить во все лопатки – это они любят, это их хлебом не корми. Наверное, в конечном итоге он так бы и сделал, если б мы сами не вошли в ворота, исчезнув с его глаз долой.

В глубине сада виднелся довольно большой каменный дом в три этажа, а справа, за живой изгородью, маленький, как будто гостевой, одноэтажный бревенчатый домик. К этому домику мы и направились уверенной походкой, не спросив ни у кого позволения. Я во всём доверился деду, справедливо полагая, что уж он-то должен знать здесь всё досконально.

Первым делом дед достал из колодца несколько вёдер воды и вылил их в поилку. Лось с огромным удовольствием принялся пить, загребая огромным языком студёную колодезную водицу, фыркая, брызгаясь и громко причмокивая.

Мы тем временем вошли в дом. Внутри всё тоже было сделано из дерева. Не изящно, а добротно, надёжно и, судя по внешнему виду, ещё и очень удобно. Дед предложил мне располагаться. Расположиться-то я расположился, но на всякий случай осторожно поинтересовался по поводу хозяев, уж очень вольготно вёл себя Дормидорф. Ему-то, конечно, виднее, но мы всё-таки не у него дома, как я понял, а в гостях.

– Может, хотя бы разрешения у кого-нибудь спросим? Как-то неудобно получается: зашли без спроса, ещё и разляжемся, как у себя дома! Кому такое понравится? Мне бы, например...

– Не беспокойся понапрасну, – перебил меня дед. – У нас в каждом дворе есть гостевые домики, поэтому путешественник всегда найдёт себе пищу и кров, как и сам хозяин, реши он куда-нибудь отправиться. Проявляя заботу о других, каждый и сам рассчитывает получить и обязательно всегда получает в ответ добро.

«Во дают! Живут же люди! А у нас, как правило, всё наоборот», – подумал я. Бывает, что тебе сделает пакость человек, которому ты делал только добро, а потом ещё и другим расскажет, что ты остался этим, к его искреннему удивлению, недоволен.

Мы вполголоса разговаривали в гостиной, отдыхая в удобных деревянных креслах, когда чавканье и бульканье на улице вдруг резко прекратилось. Через минуту довольная морда лось просунулась к нам в окно, капая на подоконник тонкими, сверкающими на солнце тягучими струйками, видимо, не только воды, и по-товарищески, словно старому знакомому, подмигнула мне несколько раз правым глазом, наверное, чтобы я не отнёс одинарное подмигивание к случайности или нервному тикю. Лось заверил, что скоро мы обязательно увидимся, а затем мило, по всем правилам этикета распрощался с нами и скрылся из вида, гулко протопав по двору и скрипнув калиткой.

– Почему это у вас лоси разговаривают, да ещё предсказывают будущее? – спросил я.

– Не только лоси, а все животные. Они, как и положено, и мыслят, то есть думают, и изъясняют свои мысли, то есть разговаривают. Так уж сложилось испокон веку, ничего не попишешь. К тому же это очень удобно. Живые существа не обязательно должны владеть языком, мы понимаем друг друга и без этого. Тут ведь большого ума не надобно, всё происходит запросто, само по себе. Не знаю, почему тебя это так удивляет! Отчего это там, откуда пришёл ты, этого нет? Может быть, в этом виноваты сами люди? Они просто не умеют слышать или не хотят уметь?

Я задумался. Действительно, наш словесный ответ, особенно тому, кто нам небезразличен, вбирает в себя множество аспектов, в том числе полушутливые намёки. Но конкретизируй, поясни, что имелось в виду, ежели тебя сразу не поняли и уточняют, и всё основательно приземляется, сводя на нет едва зарождающееся взаимопонимание. То ли дело ответ мысленный.

Если исходить из того, что все мы слегка говорящие, то необходимо уметь мыслить и рассуждать, воспринимать всевозможные языки общения и понимать... правильно!

Каждый человек общается с самим собой мысленно. И в этом общении есть некоторые слова его родного языка, но их не так много. Обязательно присутствуют некие образы, запускающие и включающие работу правого полушария. Всё это влечёт за собой определённые умозаключения, а также оттенки и разные интерпретации, уже и вовсе не имеющие словесной формы, которая даже губит порой идею мысли! Попробуй только впихнуть в словесную форму свои ощущения и эмоции, проносающиеся быстрее молнии! Но вместе с тем от них остаётся широкий мощный след. А постарайся выразить всё это словами – и чувствуешь ограниченность и ущербность своего владения словом. В некотором роде это и есть международный язык разума, которому каждый человек учится всю свою жизнь. Язык образа мыслей у каждого свой. Умей мы передавать его друг другу без изменений в ощущениях восприятия, он не ведал бы границ и пределов. Но, бесспорно, он есть в каждом из нас на генетическом уровне, так что путь к истинным знаниям лежит через изучение языка древних ариев, славян и их потомков

русичей. Всё сакральное заключено в наших буквицах и ведах. А пока блуждаем мы, словно слепые щенки в потёмках, глупо натываясь друг на друга и ужасаясь скудоумию и ущербности не только соседа, но и себя самого.

Наверняка когда-то люди научатся общаться на этом языке. Он будет обязательно совершенствоваться и преобразовываться бесконечно, чтобы каждый был способен понять другого как можно глубже и насладиться простором человеческой фантазии и мысли, глубиной чувств, страстей и даже прелестью некоторых слабостей.

Я решил пока не заострять внимание на этой теме и перевёл разговор на другой интересовавший меня вопрос:

– А откуда у ворот взялся тот наглый дёрганный страус?

– Не обращай внимания, они все такие! Мы обычно используем их для передвижений, вот они и ошиваются где-нибудь поблизости. Наверное, и этого кто-то недавно отпустил. Кстати, наши страусы умеют летать и спокойно выдерживают вес одного человека с небольшой поклажей. Так что если тебе понадобится передвигаться по лесу, то зови лося или оленя, а если по равнине или по воздуху, то кликни, на худой конец, страуса. Он сначала подёргается да поартачится, но потом непременно согласится. Особенно коли угостишь его чем-нибудь вкусненьким. Потом ещё и не отвяжешься от него! Будет ходить за тобой по пятам, бродить и про жизнь свою рассказывать. А жизнь у него долгая и однообразная. Так что выход у тебя один – учись переводить разговор с ними на что-нибудь интересное для тебя, дабы не зачахнуть от скуки на корню. Есть у нас и другие средства передвижения, но об этом ты узнаешь со временем.

– Как же мне их звать? Страусов-то?

– Свистни. А если кто-то из них окажется рядом – просто попроси. Но запомни, ежели кто-нибудь из них попросит помощи у тебя, то ты тоже должен помочь ему.

– Чем, например, я могу им помочь?

– Напоить или вытащить занозу, промыть и перевязать рану, вынуть соринку из глаза, да мало ли что, всякое бывает! Я вот чего только ни делал, вплоть до того, что яйца им несколько дней охранял на самом солнцепёке. А птенцы взяли да и вылупились раньше времени. И приняли меня за своего единственного и неповторимого папочку, ведь яйца у них самцы высиживают! Ох и натерпелся я, пока страусиха со своим ненаглядным страусом не пожаловали! Насилу отделался и ноги унёс. Но не помочь нельзя, не по-человечески это.

– А кормятся они где?

– Растительной пищи везде много, а зимой, если надо, люди им помогают. Так и живём: мы – им, они – нам. С хищниками дела обстоят по-другому, но и с ними можно найти общий язык и договориться. Нужно только знать, как.

– А как?

– А так! Скормишь, бывало, им парочку страусов или лосиху, с детёнышем в придачу, чтобы зря не пропал, и дело в шляпе!

Я так и опешил от его наивной простоты и трогательной заботы. А он аж захрюкал от удовольствия, высунув наружу кончик языка и глядя на меня хитрющими, с прищуром, сверкающими глазами. Затем Дормидорф просипел сдавленным от едва сдерживаемого смеха голосом:

– Эх, жаль, ты не видишь сейчас своего лица! Да шучу я, шучу! У тебя как с чувством юмора, надеюсь, всё в порядке, или хромает помаленьку?

– В порядке. До сегодняшнего дня не жаловался. В порядке... было, вроде бы! – отвечал я, а сам думал: «Вот подожди немножко, добрый дедушка, помаленьку я тут освоюсь, и ты получишь возможность оценить моё чувство юмора в полной мере и опробовать его на себе! Вот и посмеёмся вместе, если тогда тебе будет до смеха! Готовься-готовься, шутничок-бородовичок, посмотрим, как ты сам у меня захромаешь на обе ножки!» Дормидорф осёкся на полу-

слове и искоса, с явным интересом и настороженным недоверием посмотрел на меня. Что-то мысленно прикинув, он сказал:

– Во как! Чую, наконец-то достойный противник появился. Ты, касатик, не обольщайся особенно. Это я с виду такой солидный да строгий, а бывалочи, так пошучу, как в лужу... кхе, кхе! Хоть стой, хоть падай, сам потом смеюсь-смеюсь, до слёз, бывает, хохочу! А больше никому почему-то не смешно. Чай, и у тебя такое бывает?

– Да уж, именно так и бывает! Вот и сейчас еле сдерживаюсь, чтоб в лужу не... кхе, кхе!

Дормидорф одобрительно засопел и снисходительно закивал головой. Немного выждав, я вежливо поинтересовался:

– Вы говорили, что вам нравится ваша работа?

– Говорил!

– В чём же она заключается?

– Встречать таких, как ты, да объяснять им основы нашей жизни. По прошествии некоторого времени, а судя по всему, довольно быстро, ты устанешь удивляться и сам начнёшь всему учиться. Ты, я вижу, парень хваткий, уже потихоньку начал осваиваться да осматриваться, скоро и шутить начнёшь, возможно, даже вслух.

Дормидорф пожевал губами, покряхтел и продолжил, лишь мельком взглянув на меня:

– Раз уж волею судеб тебе удалось пройти через пограничную дыру, то ничего плохого здесь ты сделать не сможешь, а вернее сказать – не захочешь, не такой ты человек. Именно поэтому лаз тебе и открылся, он такие вещи за версту чувствует. Так что можешь путешествовать туда-сюда-обратно, сколько пожелаешь, а если с чем-то плохим пожалуешь, то не сможешь пройти через пограничный лаз, он тебе просто не откроется. Таков порядок, установленный самой природой. Так-то!

Я, как и обещал сам себе, слушал и запоминал, не решаясь прерывать деда вопросами. «Пусть, – думаю, – выскажет всё, что у него запланировано для таких случаев, а потом и вопросы можно задавать. А то ещё пропустит что-нибудь важное в моём просвещении, отвлечётся, а я потом страдай ни за что!»

Через некоторое время Дормидорф снова заговорил:

– Мы, между прочим, можем общаться мысленно на расстоянии друг с другом. И ты со временем сможешь. Но потеряешь все навыки, приобретённые и действующие здесь, как только попадёшь домой. А стоит снова тебе оказаться в нашем мире, все способности к тебе тут же возвратятся. Если меня не будет рядом, а тебе понадобится совет, просто скажи вслух, что именно тебя интересует, обращаясь ко мне. И я услышу... наверное. Это у тебя, может быть, не с первого раза, но обязательно получится.

За разговорами время летело незаметно. Я почувствовал себя отдохнувшим, и дед Дормидорф предложил прогуляться, а заодно продолжить моё только что начатое и обещающее стать успешным образование. Естественно, я согласился: не дома же сидеть, когда вокруг творится столько необычного и интересного! Глаза разбегаются: говорящие лоси, пограничные лазы, летающие пассажирские страусы, передача мыслей на расстоянии! А сколько всего будет впереди? Просто диву даёшься! Всё происходило, словно во сне. Просыпаться вовсе не хотелось, так спал бы и спал.

Вновь вышли на улицу. Я загорелся желанием вызвать для начала страуса, чтобы с ветерком прокатиться на нём. А может, даже полетать. Уж больно мне было интересно попробовать. Хоть это и покажется кому-то странным, но мне никогда прежде не доводилось кататься на огромных страусах. И на карликовых, впрочем, тоже. Но Дормидорфу я, естественно, сказал, что это совершенно необходимо в целях моего обучения и повышения самообразования, а интерес и удовольствие – так это дело десятое. Вместо ответа дед промышчал что-то одобрительное и, скакнув с места, словно молодой горный козлик, вцепился обеими руками в довольно высоко висящую над землёй ветку яблони с крупными созревшими плодами.

Повиснув на ней, как на турнике, он с трудом склонил ветку к земле посредством собственного веса и предложил мне сорвать несколько яблок для поощрения животных. Он держался за ветку и тихонько покачивался из стороны в сторону, словно гигантский неведомый борода-тый плод. Я с удовольствием быстро и сноровисто нарвал яблок, сам не ожидая от себя такой прыти! Всё произошло по старой и уже давно позабытой, но, как оказалось, неплохо действующей детской привычке – руки-то всё сами помнят. Сия, безусловно, полезная привычка была приобретена с немалым риском для жизни в чужих садах моего детства, где, как известно, все фрукты намного вкуснее, нежели в своём собственном.

Когда я закончил сбор, дед отпустил ветку, которая тут же со свистом взмыла вверх, звучно шлёпая, словно плетью, по верхним веткам и листьям. Яблоки оказались что надо – сочные, душистые, кисло-сладкие, и я с удовольствием принялся грызть одно из них, самое аппетитное на вид, дед же скромно отказался. Он сказал, что сегодня с утра, вместо завтрака, уже отведал немного, всего парочку... килограммчиков «райских» яблочек. Это такие маленькие, красные, горько-сладкие плоды с желтоватой мякотью. Но нравятся они не всем – на любителя. Хотя для разнообразия, конечно, можно побаловать себя и ими, съев парочку. Но чтобы умять за раз пару килограммов, это надо серьёзно поднатужиться и не на шутку постараться. К чему это, спрашивается, такие невероятные усилия, да ещё в его преклонном возрасте?

Я удивлённо воззрился на Дормидорфа, который, увидев мою реакцию, опять довольно заулыбался. Видно, снова шутил! Всё шутит и шутит, никак не остановится каверзный яблочко-райский дедушка! Не стал я заострять внимание на его шуточках – потом разберусь, время ещё, надеюсь, будет. Для начала немного попривыкну и освоюсь, а пока не до того мне, нужно морально готовиться к предстоящей встрече со страусом.

Мы шли, петляя по улицам, и Дормидорф воодушевлённо рассказывал о внутрисемейных отношениях и их роли в формировании личности ребёнка. Всё, или почти всё, как у нас. Разница лишь в том, что мы знаем, как надо правильно, но не делаем, а они знают и делают. Но вот появился долгожданный страус, видимо, недавно кем-то отпущенный. Бока его тяжело вздымались, и он без устали что-то тщательно пережёвывал, очевидно, чью-то щедрую благодарность за перевозку.

Дед коротко и пронзительно свистнул, как недавно в лесу лося, страстному любителю сухариков, а у меня опять щёлкнуло и заложило в ближнем к нему ухе. Страус взбрыкнул, одновременно с ним и я. Затем страус, подпрыгнув на всякий случай ещё раз, забавно завертел головой и, узрев источник свиста, с готовностью побежал к нам, прямо-таки ринулся всей грудью, раскачиваясь в разные стороны и смешно кивая головой. Встреча прошла в тёплой и дружественной обстановке. Особенно радовался страус. Не столько нам, сколько прекрасным спелым яблокам, которые заглатывал практически не жуя, лишь слегка придавливая с громким хрустом, чтобы пошёл сок. Конечно, он согласился поучаствовать в эксперименте. Видимо, и страус, и дед ожидали получить немало удовольствия от предстоящего бесплатного представления. Я счёл это подозрительным, тем более памятуя страсть Дормидорфа к разного рода шуточкам и розыгрышам. Меня терзали смутные сомнения, но ничего не попишешь, начинать всё равно надо, да и отступить поздно!

И вот настал момент, когда мне пришлось, немного помучившись, вскарабкаться на спину страуса. Сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее мы поскакали по улице. Скорость, по-моему, была не менее шестидесяти километров в час, хотя не исключено, что я слегка преувеличил, не зря же говорят: у страха глаза велики. Напряжение понемногу спадало, уступая место восторгу, я начал даже получать удовольствие от скорости и меняющихся «за окном» пейзажей. Сначала мы скакали мимо домов и всевозможных построек хозяйственного назначения. Это продолжалось минут тридцать, из чего можно судить о внушительных размерах селения. Люди попадались не так часто, видно, были ещё заняты в своих усадьбах, или как там у них принято называть жилища? Страус двигался плавно. Ощущение было, как при езде в хорошей

машине, только рулить не надо. Знай себе несёшься, а когда нужно поворачивать, то страус сам скидывает скорость и совершает все необходимые манёвры. Так мы и мчались некоторое время.

Потом пошли поля, луга, перемежающиеся лесополосами, и наконец возле небольшой речушки мы решили малость передохнуть перед обратной дорогой. Пока страус самозабвенно плескался в непривычной для меня кристально чистой воде, я наблюдал за ним, а затем и сам осторожно умылся и искупался. Осторожно, потому что мало ли что? Может, тут крокодилы водятся, или ещё какая неведомая опасность подстерегает незадачливого купальщика, пираньи там или бешеные шуки! Откусят, чего доброго, что-нибудь жизненно важное или особо ценное, я же пока не знаю пристрастий местных хищников: вкусный я для них или нет? А вдруг даже деликатес? Так или иначе, на сей раз всё обошлось!

Счастливо развалившись на траве, я стал мысленно обращаться к Дормидорфу, пытаюсь сообщить, что у меня всё хорошо, так как уже несколько раз отчётливо слышал в своей голове его вопрос, но не придавал этому значения, думая, что это я сам логически предполагаю: он ведь наверняка должен переживать за нас. Поначалу вопрос звучал насмешливо, а теперь с довольно ощутимым беспокойством, из чего я сделал вывод, что, наверное, это он пытается достучаться до меня. И я принялся мысленно отвечать ему, радуясь в душе, что никто из моих знакомых этого не видит. Но результата не было. Как он и говорил, сразу может ничего не получиться. Наконец мне надоело всё это, я плюнул и по его совету обратился вслух, будто он находился где-то рядом. Но, наверное, чуток перестарался. Эффект-то наступил сразу, моментально. Только получился не совсем таким, на какой я рассчитывал.

Страус, спокойно пасущийся рядом, практически у меня под боком, высоко подпрыгнул и громко захлопал крыльями от дикого испуга. Его голова с сильно выпученными глазами моментально оказалась возле моего носа, плавно покачиваясь на длинной и толстой, как хороший удав, шее. Теперь настал мой черёд подпрыгнуть от неожиданности, увидев его так близко, да ещё с шевелящимся пучком травы, торчащим из клюва, будто усы у бравого гусара. Он, замерев на мгновение, громко икнул два раза подряд и принялся снова раскачивать головой и жевать. Я, досадуя на самого себя за испуг, в ответ передразнил его, икнув дуплетом. Он не понял шутки и опять задёргался в конвульсиях, но уже гораздо слабее, чем в первый раз. «Привыкает понемногу, такси пернатое, и я скоро привыкну!» – подумалось мне.

Так мы и сидели, замерев, и мучительно пытались осознать, что с нами сейчас приключилось. А когда во всём разобрались, то страус принялся смущённо и неумело успокаивать меня, чем только рассмешил. Наконец пришёл долгожданный ответ от деда, а когда я ему подробно и в красках обрисовал случившееся, то он, если так можно сказать, громко смеялся, но я бы назвал это другим, более ёмким выражением – ржал, как племенной жеребец. В общем, дед был вознаграждён за свои переживания сполна. Но впереди было ещё возвращение, и я небезосновательно подозревал, что и дед, и страус рассчитывают сегодня позабавиться надо мною всласть.

Мы ещё немного посидели на берегу, поговорив о том о сём, порой затрагивая очень животрепещущие темы. А закончились наши трогательные откровения тем, что он, чуть не всхлипывая, пожаловался мне проникновенно-доверительным тоном, что в последнее время несёт очень крупные яйца. И выдержал при этом театральную паузу, которая, видимо, должна была ещё больше усилить произведённое и без того неизгладимое впечатление. Я участливо посочувствовал и, как следует не подумав, попросил показать мне хотя бы одно, самое маленькое, чтобы иметь хоть какое-то представление. Правда, я сразу спохватился, но, пытаясь исправить ошибку и немного расслабить ошеломлённую птицу, и вовсе сморозил чушь:

– Крупные яйца – это неплохо! Ведь чем крупнее, тем лучше. Сколько же, интересно знать, этих самых яиц нужно, чтобы приготовить знатную яичницу? Уж очень я люблю яичницу с помидорами! С детства!

Этим необдуманном бестактным вопросом я окончательно смутил и без того застенчивую птичку. Да и сам засмутился и расстроился из-за своей неловкости. Не очень удобно обсуждать яичницу с курицей-несушкой. И вообще, как только люди в глаза смотрят тем, кого собираются съесть или чьих детей употребить в пищу? Надо же, не задумывался я над этим вопросом, пока не поговорил со страусом, а точнее – со страусихой!

Надо будет обязательно узнать у Дормидорфа, как отличать страуса от страусихи, а тобрякнешь ещё по глупости что-нибудь лишнее по поводу женщин, а потом стыда не оберёшься, да и дерутся страусы, надо сказать, пребольно, можно и костей не собрать.

В компенсацию за моральный ущерб я отдал страусихе ещё три яблока, предусмотрительно прихваченных мной в дорогу. Затем ловко отодрал с её шеи и ног пару-тройку жирных раздувшихся пиявок, которых она с удовольствием съела. И когда мы стали совсем уже хорошими друзьями, робко предложил ей немедля отправиться в обратный путь. Именно робко, потому что уже тогда предчувствовал неладное. Во всём её поведении буквально физически ощущался какой-то подвох. Эта вредная птица, видимо, вдобавок науськанная дедом, никак не желала скакать домой, а хотела, видите ли, только лететь, веско аргументируя своё решение. Настолько веско, что сомнений не было – всё это происки ехидного деда, решившего за сегодня показать мне все прелести страусино-го средства передвижения. Страусиха скороговоркой заговорила:

– Ну нету у меня столько времени, чтобы обратно пешком добираться! Яйца за меня ты, что ли, будешь помогать высиживать моему страусу?

Тут она с интересом взглянула на меня, видимо, прикидывая, как это действие будет выглядеть со стороны и подхожу ли я в принципе. Я в ответ удивлённо посмотрел на страусиху, пытаясь дать ей понять, что я и высиживание яиц – понятия совершенно не совместимые. Она же приняла мой взгляд за согласие и заявила, облегчённо вздохнув:

– Тем более надо быстрее вылетать – ты здесь, а они там!

Ну и дела! Я понял – это заговор. Ничего не поделаешь, спорить и доказывать бесполезно, всё решено за меня. А если им что-то придётся не по нраву, то ещё и яйца высиживать заставят. И попробуй откажись! Животным ведь нужно помогать, а, коли яйца пропадут по моей вине, шума-то, шума будет! Я уже молчу про вполне вероятную кровную месть четы страусов. Хочешь не хочешь, а придётся набраться смелости и осваивать полёты. Кто знает, может, в жизни мне это когда-нибудь пригодится.

Вскарабкался я на довольную страусиху, и мы поскакали по полю вприпрыжку, набирая обороты. Вдруг по бокам как будто из двух крупнокалиберных пневматических отбойных молотков одновременно кто-то саданул. Я что есть силы вжался в птичку. Судорожно вцепился всеми четырьмя конечностями в её густое оперенье. Оказалось – это просто крылья расправились, и мы, рывком оторвавшись от земли, начали набирать высоту и скорость, умело используя восходящие воздушные потоки, ощутимо облегчающие физические нагрузки при воздухоплавании. Я заметил, что страусиха вовсе не была трудоголиком, она предпочла самый лёгкий путь – лететь над полями и водоёмами, там нагретый воздух восходит вверх гораздо интенсивнее, чем, скажем, над лесом.

У меня от переизбытка эмоций даже дух захватило! Ну и красотища открылась моему взору: бескрайний простор, бездонные небеса, поля, леса, дороги... Мы поднялись на высоту, по моим скромным подсчётам, около пятисот метров и с огромной скоростью рассекали тёплый упругий воздух, который порой начинал свистеть и завывать в ушах. Особенно на крутых спусках, когда страусиха набирала скорость, чтобы потом вновь взмыть ввысь.

Я был рад, что птичка мне досталась не из маленьких. Тут вообще все животные были несколько крупнее, нежели аналогичные существа в моём мире, а вместе с тем и более пропорционально сложены. Например, у лосей не было чрезмерно огромных рогов, всё было гармонично, и главное – весьма функционально. Лосиные рога, мощные и безупречно заточенные

резаки, грозно торчащие из могучего черепа – идеальное орудие убийства во имя защиты. Надо отметить, что и лосиные зубки представляли собой немалую угрозу. Они, когда надо, с лёгкостью перекусывали ствол дерева толщиной с руку крупного мужчины. Но это так, лирическое отступление.

В воздухе мы оказались не одни. Глядя по сторонам, я видел довольно много авиаторов, но не все они были на страусах. И скорость, и дальность полёта иных была ощутимо больше, если судить по размерам. Разной была и высота эшелонов. Может быть, это зависело от дальности пути? Спросить было не у кого. Голова страусихи, находившаяся далеко впереди меня, всё равно не услышала бы. Хотя если гаркнуть погромче, то кто знает, всё возможно! Но существует и другой, более вероятный исход: учитывая её импульсивную пугливость, страусиха вполне может от неожиданности наложить в штаны и сбросить меня, а тогда – поминай как звали! Парашюта на такой случай мне не выдали, а естественное приземление не будет способствовать дальнейшему передвижению на своих двоих и вряд ли пойдёт на пользу моему цветущему организму в целом. Да уж, за ней не заржавеет, сбросит и не поморщится. Наверное, не стоит рисковать жизнью ради такого пустяка, как какие-то вопросы. Задам их лучше «профессору», старине Дормидорфу.

И хоть сразу по приземлении я совершенно позабыл его об этом спросить, но позже он подтвердил мои предположения: чем дальше летишь, тем выше забираешься, особенно при большом скоплении в воздухе птиц-перевозчиков. А делается это для того, чтобы попросту никому не мешать.

Долетели мы до лавочки, где сидел-посиживал, поджидая нас, дед, естественно, намного быстрее, чем скакали туда. Добрались, как мне показалось, за считанные минуты. Посадка прошла просто замечательно. Дед сиял, по его собственным словам, от радости за меня, как только что тщательно начищенный умелой рукой самовар. Ведь мне, вопреки всему, всё-таки удалось перебороть страх с первой попытки и довольно быстро освоить полёты на страусах! Он небезосновательно считал, что в дальнейшем это умение может мне очень пригодиться, если только я не намерен в их мире сидеть сиднем в какой-нибудь отдалённой избушке на курьих ножках.

Но я собирался жить здесь полной жизнью, путешествовать и участвовать в разного рода приключениях, коих он мне наобещал уже целое множество. Что ж, посмотрим. Но, похоже, дело было не только в этом. У меня зародились подозрения, что дормидорфово сияние имело в своей природе не столько радость за меня, сколько другие, потаённые и известные лишь ему причины. Не иначе этот шебутной старикашка снова замыслил какую-нибудь провокационную каверзу, с него станется! Как потом оказалось, Дормидорф как в воду глядел, летать мне в их мире пришлось много и часто. Причём летать, как правило, вместе с ним, и не на каких-нибудь болтливых страусах, а на гораздо более серьёзных птицах. Настолько серьёзных, что на завтрак им уходил целый буйвол.

* * *

Глава 4

Экстренный вызов

До отвала накормив страусиху яблоками и сердечно поблагодарив, мы отпустили её. Получилась страусиха, живьём нафаршированная яблоками. Она уходила с явной неохотой, изредка оглядываясь и грустно мигая большими серыми глазами, издавая протяжные вздохи, способные разжалобить кого угодно, но только не Дормидорфа. Он был словно камень – непреклонен и непоколебим! Видимо, дед ей пришёлся по нраву, или просто хотелось пообщаться. С хорошими-то людьми грех не поговорить лишний раз. Впрочем, скорее всего, имело место и то, и другое. Но это так и осталось тайной, покрытой мраком. Тайной, которую общительная страусиха с превеликим удовольствием, не задумываясь, выложила бы, если бы мы только заикнулись или каким-то другим образом дали ей понять, что нам любопытно: а почему это у неё такой грустный и печальный вид, не случилось ли чего? Но мы не доставили ей подобной радости, предугадывая возможные последствия.

Неожиданно неподалёку раздался громкий пугающий звук, похожий на предсмертный визг покрышек вследствие экстренного торможения большого гружёного автомобиля. Уже в который раз я едва не свернул шею из-за не подчиняющегося разуму инстинктивно резкого, с неприятным хрустом поворота головы в поисках неведомого, но ужасающего источника шума. Ничего-ничего, моя многострадальная шея выдержала и на этот раз, обошлось без травм. А мы с дедом принялись наблюдать, как приземляется носатая птица без перьев, похожая на птеродактиля, размером с небольшой спортивный самолёт. На спине у неё находились три пассажира: две девушки в светлых облегающих одеждах и мужчина средних лет, видимо, их отец. Закинув в пасть птице что-то большое, похожее на ампутированную ногу или свиной окорок, что в принципе одно и то же, и поблагодарив её, они со смехом зашли в ворота третьего от нас дома. Птеродактиль, а это оказался именно он, взмыл с места ввысь, шурша крыльями и обдав нас тёплым потоком воздуха вперемешку с дорожной пылью.

Дед украдкой поглядывал на меня, видимо, ожидая увидеть невообразимое удивление. Или, на худой конец, услышать восторженно-восхищённые вопросы. Но я как ни в чём не бывало, мол, и не такое видали, пошёл потихоньку в сторону гостевого домика, где мы изволили остановиться. Он, догоняя меня, спросил:

– Ну, как, не укачало тебя на страусе?

– Не-а! Я бы ещё полетал, да беденькую птичку жаль было впустую гонять. Она мне по секрету сказала, что очень спешит. Ей, видите ли, крайне необходимо яйца высидывать, а я у неё зря отнимаю драгоценное время.

Говоря это, я кинул быстрый взгляд на деда, но он и бровью не повёл. По всему видно – старая школа. Позже он всё-таки сознался: заговор вынудить меня обратно именно лететь, а не скакать, имел место, но всё делалось только ради моей пользы и ни в коем случае не ради смеха! Но почему-то я сильно в этом сомневаюсь.

– Учти! – назидательным тоном, словно профессор студенту, начал свою лекцию Дормидорф. – Страусы очень привязчивые, а чувства юмора у них нет вовсе. Оно у них от рождения атрофировано. Отсутствие всякого присутствия, понимаешь? И не вздумай это проверять. Я тебе категорически не советую этого делать! А иначе пеняй на себя, но я тебя предупредил! И ещё учти: страусы всё принимают буквально, а любую тему сводят к своим яйцам: «Ах, какие они у меня красивые да большие». За своих птенцов могут и по голове наклевать или лягнуть. А удар у них тяжёлый что клювом, что ногой, если нарвёшься, то костей точно не соберёшь, в общем – мало не покажется, так и знай! А куда любят бить, паршивцы, знаешь? – и он выразительно посмотрел мне ниже пояса.

Меня захлестнула волна негодования.

– Да что же это? Ну и дела! Надо же было меня раньше предупредить! Это ради чего, интересно, я так рисковал? – с нотками возмущения, вперемешку с праведным гневом и досадой, заявил я, холодея при одном воспоминании о моих недавних намёках страусихе о необыкновенно аппетитной яичнице с помидорами, которую я люблю, видите ли, с самого раннего детства. Вот и были бы у меня сейчас действительно «помидоры с яичницей» на всю оставшуюся недолгую жизнь.

– А что в этом такого, не понимаю! Чего ты так взбеленился? Если на то пошло, я тебя сейчас и предупреждаю. А если бы предупредил заранее, никакими коврижками тебя на страуса не заманишь, – невозмутимо заявил хитроумный дед и добавил, но уже снисходительно-миролюбивым тоном: – Да ладно тебе! Мне понятно и знакомо твоё беспокойство, но не думай, что я такой бессердечный! Я сразу поведал страусу, что ты новенький, оповестил его, так сказать, первым делом. Так что поверь, твоему достоинству равным счётом ничего не угрожало! Если только так, самую малость.

– Но и этой малости мне бы с лихвой хватило выше крыши! – закончил я за Дормидорфа и тут же продолжил: – А вы, как я погляжу, очень весёлый дедушка! Много там ещё у вас для меня шуточек заготовлено?

– А как ты хотел, внучок, есть ещё маленько в запасе пороха в пороховницах. Да разве ж это шуточки? Это ещё токмо разминка, а настоящие шуточки впереди! Без добрых шуток, видишь ли, совсем неинтересно жить, скучно прямо-таки, это я тебе могу заявить с полной долей ответственности, как настоящий знаток этого славного дела. Вот есть у меня друзья, приблизительно твоего возраста, Доркорн с Юриником, так те и спорят, и подшучивают друг над другом всю сознательную жизнь! И ничего, стало быть, покуда живы и здоровы. Живут радостно, цветут и пахнут. А порой даже благоухают! За ними наблюдать, так можно иной раз и штаны обмочить от бьющего через край юмора! Я тебя с ними всенепременно познакомлю, касатик!

У домика нас поджидали старый знакомый, лось, страстный любитель сухариков и, судя по всему, его лосиха – очаровательное создание. Но в данный момент она явно была сильно возбуждена, топталась на месте от нетерпения, рыла копытами утрамбованную землю и фыркала. Дед, чуя недоброе, быстрым шагом приблизился к лосю. Они перекинулись парой слов, и дед запрыгнул к нему на спину, коротко бросив мне:

– Нужна помощь. Давай залезай быстрее, всё объясню по дороге, нельзя терять понапрасну время!

Естественно, мне пришлось подчиниться, а куда бы я делся? И мы поскакали! Дормидорф на лосе, я на лосихе. Со стремительностью скорой помощи, мчащейся на вызов, только что без мигалок и сирены.

Через несколько минут бешеных скачек мы находились уже в лесу, где быстро не поскачешь при всём желании, но лоси и не подумали замедлиться. Они очень хорошо знали местность, буквально как свои четыре копыта. Мы с дедом, пригнувшись к шеям животных, положились на них в прямом и переносном смысле. Со всех сторон сверкало, хлестало, трещало и свистело. Никогда не мог предположить, что бег по лесу может быть настолько опасен. У меня с непривычки сводило все мышцы, особенно на ногах и спине, а дед даже испариной не покрылся, вот что значит сноровка, привычка и тренировка. Дормидорф ещё умудрялся переговариваться с лосем. Это на полном-то ходу! Наконец мы остановились на небольшой светлой полянке, и я увидел беспомощно лежавшего, подмявшего под себя ноги лосёнка, издававшего жалобные звуки, похожие на тихий горестный плач утомлённого изнуряющей болью ребёнка. Из глаз его текли, оставляя влажные следы, крупные прозрачные слёзы. Чувство жалости и желание поскорее помочь и облегчить страдания несчастного захлестнули меня. Но хорошо бы было ещё и не навредить, а для этого нужны опыт и знания, коих у меня не было.

Зато они были в достатке у деда, чем он и не преминул воспользоваться. Сразу было видно, что делает он это далеко не в первый раз.

– Поломал переднюю ногу. Пытался перепрыгнуть вон через тот ствол, да не рассчитал и оступился, попав передним копытом в нору, – коротко объяснил дед. – Но перелом закрытый.

Аккуратно и бережно ощупывая ногу лосёнка, Дормидорф успокаивал его:

– Ну потерпи, потерпи. Сейчас зафиксируем, и до свадьбы заживёт. А в месте перелома кость будет ещё крепче. Скоро будешь опять скакать, будто ничего и не было!

Привычным движением он достал из-под куртки большой нож и подал его мне, попросив отрубить кусок полена около метра длиной и обязательно без сучков. Ни за что бы не подумал, что дед вооружён! А я, повстречав в подозрительном лесу незнакомца, всё гадал: и где это белозубый пенсионер прячет свой грибной разделочный топорик?

Ближайшие двадцать минут я был очень занят – выполнял дормидорфов заказ. Когда всё было готово, дед с помощью другого обрубка ствола и ножа расщепил это полено вдоль ровно пополам, хорошенько обтесал его со всех сторон и с помощью бинта, который достал из поясной небольшой сумки, накрепко зафиксировал ногу лосёнка между двумя пластинами. Причём зафиксировал таким образом, чтобы намертво обездвигнуть оба сустава, ближайшие к месту перелома. После этого лосёнок мог пусть медленно, но передвигаться, минимально беспокоя раненую ногу. Приблизительно через месяц, когда кости срастутся, шину нужно будет снять. А пока мать-лосиха, сердечно поблагодарив нас, повела лосёнка, как сказал дед, «проводить обезболивание» с помощью травы, название которой я тогда не запомнил. Лось-отец топтался рядом, с благодарностью заглядывая в лицо спасителю своего детёныша.

Потом Дормидорф задумчиво посмотрел на меня и начал что-то старательно искать по своим многочисленным карманам. Вскоре его поиски увенчались успехом и снова, как во время нашей первой встречи, он достал клочок не то тряпочки, не то бумажки и старательно потряс этим перед самым моим носом. Дормидорф постелил на землю всё ту же скатерть, аккуратно и бережно разровняв её края руками. Наклонившись над ней, он что-то скороговоркой пробормотал себе под нос. Вдруг лицо его исказила нервная судорога, он указал пальцем куда-то мне за спину, широко раскрыв от удивления глаза и слегка присев. Сердце моё учащённо забилося. Молнией пронеслась мысль: «Вот и настал мой бесславный конец, если уж то, что сзади меня, так испугало самого Дормидорфа, то это не просто конец, а мучительная и неизбежная кончина! А ведь так ещё хотелось немного пожить, особенно теперь, когда впереди вырисовывается столько интересного!» Оборачиваясь, я готовился к самому страшному. Но ничего ужасного позади себя не увидел и даже глазам своим не поверил, поэтому тщательно огляделся ещё раз. Результат тот же: лес как лес! Опять, наверное, его молодецкие шуточки! Ладно, запомним. Я вопросительно и осуждающе посмотрел на деда, а он указал взглядом мне под ноги, где была расстелена скатёрка. Свершилось чудо – стол был накрыт, как я люблю, в лучших деревенских традициях!

Каверзный шутник, не дав мне опомниться, начал лекцию о необыкновенных вещах, которые могут повстречаться в этом расчудесном мире. Лось ему во всём поддакивал, уже вполне успокоившись после происшествия с лосёнком, чего нельзя было сказать обо мне. У меня тряслись мелкой дрожью коленки после удачной шуточки Дормидорфа, который принялся вещать без всякого зазрения совести:

– Всё, что в вашем мире встречается в сказках, былинах и поверьях, у нас есть в реальной жизни: лешие и кикиморы, лесовики и домовые с разными привидениями, да много чего. Есть Кощей Бессмертный, Баба Яга и существа, которые их с лёгкостью заткнут за пояс! Так что не расстраивайся, скучать тебе не придётся! Есть у нас и волшебники, колдуны, ведьмы и знахари, всех так сразу и не упомнишь! Каждый живёт сам и старается не вредить и не мешать жить другим. Конечно, иногда происходят и у нас маленькие и большие шкоды. Как без этого? Но по большому счёту все заинтересованы в скорейшем прекращении раздора, а иначе никому

не видать спокойной жизни, как собственных ушей. Ну, а всякие невинные шалости кикимор, леших и домовых я в расчёт и вовсе не беру, ибо эти существа для того и созданы и по-другому попросту не могут. У нас каждый знает, как с ними договориться, я и тебе как-нибудь расскажу! Ты ещё экспертом по этим делам станешь! А сейчас давай-ка немного перекусим. Я вот и нашему другу сухариков заказал с солью. Может быть, надо было ещё стручковый горошек попросить, да я как-то не сообразил сразу.

Только сейчас я понял, как проголодался, и с удовольствием воспользовался предложением деда. Ели молча, лишь хруст сухарей был слышен, будто их кто-то с маниакальной одержимостью разминал в мелкую крошку деревянной колотушкой в пустом ведре. Это наш лосик самозабвенно и восторженно предавался дикому наслаждению, позабыв обо всём на свете. Насколько я мог судить, он увлеклся поглощением любимого блюда каждый раз, когда ему выпадала подобная счастливая возможность. Мы с Дормидорфом старались есть, не издавая посторонних звуков, хотя при подобном звуковом оформлении в этом не было необходимости. Насытившись и уняв дрожь в членах, я негромко спросил:

– Как же мне договориться, например, с лешим? Очень хочется узнать, раз мы сейчас в лесу, вдруг понадобится когда-нибудь!

Дед, недолго думая, взял бутыль, вскочил с места и, повернувшись к самым буреломным и густым зарослям, произнёс нараспев, словно певчий поп под хорошей мухой, при этом одержимо и грозно размахивая бутылью во все стороны, будто неким дьявольским кадиллом:

– Лес дремучий, расступись, хитрый нежить, появись!

«Аминь, ядрёна мать», – добавил я про себя, вздрогнув от неожиданности. Ну, никак не ожидал я в тот момент ритуальных выкрутасов и заунывных песнопений от милого дедушки! А дед укоризненно посмотрел на меня и перевёл взгляд на трущобу, куда только что обращался. Под лапой огромной ели, стоявшей неподалёку, что-то громко и гулко ухнуло, даже ветки закачались, но не сильно, а лишь едва. Когда смолкло эхо, начали проявляться расплывчатые очертания чего-то коряжно-древовидного и сказочно могучего. К нам вышло нечто метров двух высотой, покрытое наростами и мхом так, что ни кожи, ни рожи видно не было. Если бы оно неподвижно стояло в нескольких шагах от меня, то я ни за что не признал бы в нём живую сущность, приняв за причудливое засохшее дерево. Только бездонные глаза неопределённого цвета, пугающие своей глубиной и дико горевшие изнутри зловещим болотным огнём, настойчиво смотрели на нас. Да-а, не хотел бы я встретиться с ним с глазу на глаз ночью, да ещё и на узкой тропинке!

А может, встречался, да не раз, только проходил мимо, не обращая внимания. Раньше в лесу у меня часто возникало ощущение, что я там не один и за мной кто-то наблюдает. Этакая лесная паранойя, но ничего страшного – стараешься только не придавать этому особого значения, чтобы не возникла душевная паника, и со временем вполне привыкаешь. Нынешнее появление настоящего лешего – как раз и есть подтверждение моим тогдашним самым смелым подозрениям и малоприятным ощущениям. Причём я разговаривал на эту тему со многими людьми, и все они со мной соглашались. Попробуй не согласиться! Особенно если находишься в незнакомом дремучем лесу и при мерцающем свете костра слушаешь леденящие душу истории. Некоторые признавали, что с ними такое случалось не раз, опасно при этом поёживаясь и придвигаясь к костру, дабы подкинуть дров в угасающий огонь. Кто не верит, тот может и сам попробовать рассказать подобную историю. Если останетесь живы и здоровы после подобных разговоров и без приключений доживёте до утра, значит, вам очень повезло!

– Всё ходят тут и ходят! Зовут ещё! У меня, может быть, делов целая роща! Откуда прознал, что я здесь? И пошто кликал? – спросил леший, обращаясь к Дормидорфу, как к старому знакомцу. Лось испуганно вздрогнул при звуке скрипучего голоса и отпрянул назад. Да и мне было как-то не по себе.

Дормидорф отвечал, ничуть не смутившись:

– Как же не знать? Если в лесу что-то происходит, то ты первым тут как тут, наблюдаешь откуда-нибудь из самого укромного места. А позвал я тебя, чтобы угостить кваском. Мы ведь сейчас уже уходим.

– Вот и хорошо. Вот и славно. Нечего вам здесь... заблудиться можно. А квасок твой ничего, знатный!

Леший со скрипом протянул вместо руки не то ветку, не то корягу и схватил бутылку довольно шустро и цепко. Затем, запрокинув наростообразное подобие головы, долго булькал и удовлетворённо кряхтел и ухал, словно старый филин, поймавший жирную мышшь. Заутробный концерт продолжался до тех пор, пока не был выпит весь квас до последней капли. Только тогда он вернул бутылку обратно, смачно крякнув при этом.

Вдруг неподалёку раздался пронзительный визг, затем треск и волной прокатившийся под ногами грохот, обычно сопровождающий падение огромного дерева. Лес отозвался гулким и протяжным эхом. Мы, как по команде, вскинулись на этот звук, а когда посмотрели на место, где мгновение назад стоял леший, то его уже и след простыл, только длинные стебельки травы чуть покачивались от слабого дуновения ветра да неподалёку усердно отмеряла кому-то годы кукушка. И словно запоздалые слова благодарности прозвучало знакомое уханье старого филина, которому посчастливилось-таки поймать жирную мышшь. Мы переглянулись, а лось недовольно фыркнул.

– Вот и попили кваску, – иронично заметил я.

Спешить было некуда, а потому неспешная прогулка выглядела намного приятней, нежели тряска на лосях с уворачиванием от веток. Особенно после сытного обеда. Мы решили пешком двигаться в сторону селения, рассчитывая по дороге встретить ещё одного лося или оленя, хоть какое-нибудь мало-мальски пригодное средство передвижения. Ведь лосиху сейчас трогать было нельзя, она осталась с лосёнком, а сидеть на одном лосе вдвоём – удовольствие весьма сомнительное.

Спустя некоторое время перед нами оказалась довольно большая и пологая возвышенность. Деревья основательно поредели, да и ужин наполовину провалился, а потому идти стало гораздо легче. Добравшись до верха и немного запыхавшись, мы единогласно решили сделать привал и осмотреться. Стоило нам остановиться, как лось тут же принялся, аппетитно хрумкая, шустро объедать молодые веточки, фыркавая и тряся головой. Его уши при этом звонко шлёпали, отгоняя насекомых, которые тут же начинали роиться вокруг разгорячённого тела, непременно желая поскорей испить свежей лосиной кровушки.

* * *

Глава 5

Агрес

Не успели мы вдоволь насладиться отдыхом, как раздался громкий соколиный клич, разлившийся тревожным эхом по всей лесной округе. Дед тут же вскочил, залихватски свистнул и замер в ожидании. Через минуту я увидел на его вытянутой руке сокола, спикировавшего неизвестно откуда. К лапе было привязано послание, свёрнутое в тугой рулон, который Дормидорф тут же отвязал и, отойдя в сторону, принялся быстро читать. Покончив с этим, он подошёл, загадочно поглядывая на меня.

Я спросил:

– Если вы умеете передавать мысли на расстоянии, то зачем вам эти примитивные письма?

– Конечно, мысли можно передавать на весьма большие расстояния, но при желании их не стоит труда перехватить и подслушать, я тебя потом этому научу. Так что и на дальнее расстояние порой лучше отправить обычное письмо.

Я, несколько разочарованный, проговорил:

– Вот как, и здесь расстояние имеет значение? Дормидорф как-то слишком легко согласился:

– Конечно, расстояние для физического тела всегда будет иметь немаловажное значение, – а затем излишне бодро добавил: – Кстати, о расстояниях. Я срочно должен отправляться в путь – очень важное дело. Предлагаю тебе взять лося и продолжить путешествие одному. Дорога к селению проста, ты и сам справишься.

Эта идея мне совсем не понравилась, нужно было срочно что-то делать, а вернее – решать. Вот сейчас он уйдёт, и неизвестно, увидимся ли мы когда-нибудь ещё! А этого никак нельзя было допустить!

У интересных людей глупо не перенять нечто подходящее нам. Если они способны развивать себя, научат обязательно чему-то и нас, даже сами того не желая. Одно не может быть понято никоим образом: к чему добровольно лишать себя лучшего во имя худшего, интересного и захватывающего во имя обыденного? Даже если подобное произошло, то можно постараться так всё повернуть, чтобы ослабить последствия и извлечь уроки. Главное, чтобы был выбор. А он есть всегда, нужно только уметь его разглядеть. Если выбор сделан неверно, то это чревато неприятностями. А что нам неприятности? Привычная череда неприятностей не может страшить нас, живущих таким образом с самого рождения. Это чередование обычно вызывает у нас лишь любопытство и интерес, особенно на фоне разницы ощущений. Всё дело в том, от кого исходит столь «заманчивая» перспектива. От неё можно и отказаться в пользу других обстоятельств, связанных с более приятными людьми, благо неприятностей вокруг хоть пруд пруди. Вот, к примеру, досадная обыденность – чем не неприятность? А если при этом вдруг открывается возможность взлететь безболезненно и безопасно? Продумав все возможные варианты, даже в худшем случае ты всё равно останешься с тем, что хотя бы «полетаешь», почувствуешь необыденное и снова вернёшься в свою обыденность. Здесь, казалось бы, глупо колебаться. А иначе становится понятным, что твои цели вовсе не такие возвышенные, они иные совершенно: привычно ковыряться в жизненном навозе ради него самого, а не ради прекрасных цветов, кои ты вознамерился им удобрить. Если ты действительно любишь нечто необычное, связанное с возможностью приоткрыть дверцу в светлую сказку, понял это, но боишься и не желаешь, то это и есть глупость.

Мы и на земле «стоим» именно благодаря своим проблемам, которые временами разрешаем. Используем их ещё хлеще, нежели они нас, а иначе бы давно успешно загнули. Извле-

каем пользу из негатива, что других, быть может, и убило бы, но мы не под тем углом смотрим. Они, проблемы наши, нас воспитывают, воодушевлённо создают, а мы порой не ценим этого, не понимаем!

И я сделал свой выбор: решил прислушаться к внутреннему голосу, который меня практически никогда не подводил, а даже напротив – подводил его, как правило, я сам, когда по каким-либо причинам не следовал его мудрым советам.

– А не пригодилась бы вам моя скромная помощь и посильная поддержка? – спросил я, уже твёрдо зная, что и помощь моя ему ещё как пригодилась бы, и от посильной поддержки он ни в коем случае не откажется. И вовсе не расстанемся мы сейчас, а мои приключения в этот самый момент только начинаются!

– Конечно, мне пригодилась бы любая помощь, да ты и сам это прекрасно знаешь, но учти, этот поход может оказаться долгим.

Я не удержался и передразнил его про себя: «Учти, учти, да нечего мне учитывать, я и так обучивался весь, дальше некуда!» А теперь мне чем дальше, тем интересней! Перефразируя патриотическую песенку моего детства, «не расстанусь с Дормидорфом, буду вечно молодым». К тому же я начал привыкать к деду, и расставаться с ним, по крайней мере именно теперь, мне совсем не хотелось. И последний аргумент: если мне захочется вернуться, то я всегда смогу прилететь обратно в селение, а оттуда дорогу до дыры и сам как-нибудь найду, не маленький. Всё это я ему и объяснил вкратце. Он рассеянно выслушал моё волевое решение и легко согласился взять меня с собой, но с одним условием: чтобы я не расспрашивал его о деле, ради которого мы отправляемся в поход. Подумаешь, какие тайны! Ну да ладно, не смертельно! Я смело согласился, всё равно со временем всё узнаю и без расспросов.

И опять дед слегка нахмурился, будто внимательно прислушивался к бурчанию своего живота, а затем громко вздохнул и снисходительно покачал головой из стороны в сторону. Мы решили срочно возвращаться в селение и там искать птицу или птеродактиля на двоих, а лучше на троих, чтоб места было с запасом. Сколь одержимо дед ни свистал по всей округе, впустую брызжа слюной, словно престарелый соловей-разбойник после долгого воздержания, вставивший, наконец, себе новый волшебный зуб, выбитый ненароком буйным, но справедливым Иваном-Царевичем, к его искреннему удивлению, никто не появился, как повымирили все разом! Так что пришлось нашему лосю поднапрячься, взять ноги в руки и везти нас двоих. Он был молодой и сильный, довольно быстро доставил нас к воротам, за которыми находился приютивший нас гостевой домик.

Дормидорф отпустил меня отдохнуть перед дальней дорогой, а сам пошёл, точнее, поскакал на лосе по важным делам. Он не счёл нужным ставить меня в известность, по каким именно, соблаговолит лишь сказать, что ему необходимо некоторое, весьма непродолжительное время, чтобы как следует подготовиться к предстоящему походу. Мы договорились встретиться через час возле ворот.

Ровно через час я был на месте как штык, но деда не было. Не было его и через пять минут, и через десять, и через пятнадцать. Я слонялся из стороны в сторону, терпеливо поджидая запаздывающего по неведомой причине лесного дедушку. Повторялась история в точности, как в моём мире, когда все вечно опаздывают по разным, но постоянно не зависящим от них причинам и обстоятельствам. Наконец за моей спиной раздался шум несущегося на полной скорости грузовика, и я, по старой и крайне полезной привычке, приобретённой в том мире, резво отскочил в сторону. Как оказалось, сделал я это очень даже не зря и совершенно вовремя. Огромное летающее существо, на первый взгляд – чисто хищное страшилище, каким впору взрослых пугать, приземлилось с ужасающим шумом рядом с тем местом, где я находился секунду назад. Ну и жуть! И где только этого Дормидорфа носит, позвольте полюбопытствовать? Эдак меня тут сожрёт ещё ненароком кто-нибудь. Птица не птица, с крючковатым здоровущим клювом, как у орла, мощными, цепкими, когтистыми лапами и горящими глазами –

вот что нагло глазело теперь на меня! Это страшилище по инерции сделало огромный скачок вперёд, лязгнув клювом и заскрежетав большими, в половину человеческого роста когтями по гранитной крошке, и расправило могучие крылья, закрыв ими полнеба. Наконец оно остановилось окончательно, теперь уже точно там, где я только что имел несчастье находиться. Я скромно позавидовал себе и от всей души поздравил со счастливым избавлением от мучительной смерти и, возможно, дальнейшего употребления себя в пищу – не пропадать же добру понапрасну. Из головы разом вылетели все мысли, кроме одной – быстренько слинять куда-нибудь подальше. Я мысленно прикинул, что если пошевелиться, то успею (может быть) перемахнуть через ближайший забор и забиться в какой-нибудь укромный угол, прежде чем мной перекусят. И только я собрался привести свой план в исполнение, как отчётливо разглядел на спине у чудовищных размеров орла некую до боли знакомую личность! Эта личность второй раз за сегодняшний день бессовестно подвергла меня смертельной опасности, а в данный момент приветливо махала мне рукой. В этот раз я решил оставить эмоции в стороне и не стал ничего думать по поводу этого происшествия.

Теперь я имел возможность поподробнее разглядеть райскую птичку. Она была намного крупнее птеродактиля, а даже он вёз на спине троих людей! Сколько же тогда человек способна перевезти эта «малютка»? Если взять нашего орла и во много раз увеличить его, то и тогда получится лишь слабое подобие того, что предстало моему изумлённому взору.

Дед выглядел уже не так добродушно, как прежде. В нём изменилось всё, начиная с одежды и заканчивая сосредоточенно-целестремлённым выражением лица. К тому же он выбрал эту явно боевую птицу неспроста, чуяло моё сердце, совсем неспроста! Возникло ощущение, что мы не просто отправляемся в поход, а нам предстоит участие в опасной боевой кампании. А ведь я ещё не видел, какую поклажу он собрал с собой. Не иначе в ней нашлось место и крупнокалиберному пулемёту! Но вопреки моим ожиданиям, из вещей был всего-навсего небольшой походный рюкзак и... шест. Как будто взяли тонкое деревце метров двух длиной и ободрали с него кору, а затем хорошенько ошкурили и отполировали – вот и всё оружие.

Я, не колеблясь, взгромоздился на птицу, цепляясь за огромные перья. Разместился рядом с дедом, утопая, как в перине, в мягком пуху. Этот пух находился под несколькими слоями толстых и жёстких перьев, которые мне, по примеру Дормидорфа, пришлось с немалым трудом раздвинуть, прежде чем удалось удобно устроиться и прочно закрепиться. Дормидорф подал мне небольшой свёрток, объяснив, что это поможет не замёрзнуть во время полёта. Развернув его, я увидел плащ серо-зелёного цвета, такой же был надет и на нём. Я немедленно последовал его примеру, и мы взмыли в небо, быстро набирая высоту и скорость.

– Где вы откопали эту птицу? – с нескрываемым восторгом поинтересовался я.

Дормидорф понимающе улыбнулся и ответил:

– Ещё там, в лесу, я отправил за ней сокола, что принёс письмо. Это Агрес – хищник. Нам повезло, он как раз оказался неподалёку.

– Я успел заметить, что это хищник, ощутив себя добычей в первые и, не скрою, самые радостные для меня секунды вашего едва заметного приземления! – не удержался я от укоризненного замечания, которое Дормидорф пропустил мимо ушей. Он небрежно кивнул мне в знак того, что слышал мои слова, но их смысл настолько ничтожен и малозначителен, что он, совершенно естественно, не придаёт этому ровным счётом никакого значения. К чему и меня призывает, показывая пример. Подумаешь, слегка вздрогнул от неожиданности, не стоит подобный пустячок и секунды его драгоценного времени! Он невозмутимо продолжал:

– Чтобы Агрес согласился лететь с нами и помогать, я обещал дать ему то, что он захочет, но он пока не сказал, что именно. Будем надеяться на его скромность.

«Да уж, – подумал я, – скромность – это здорово, но едва ли это его конёк! А что мы станем делать, если его запросы окажутся под стать его размерам? Коли так, я даже не представляю, чего может возжелать эта птичка! Может быть, стадо буйволов для лёгких утренних

завтраков? Нет, всё же зря Дормидорф ввязался в это дело с Агресом, если что, то нас двоих ему и на полдник не хватит! Хотя, если взглянуть на дело с другой стороны, то заручившись поддержкой этакого грозного оружия, нам должно быть намного проще в достижении нашей, неведомой пока для меня, цели».

А Дормидорф как ни в чём не бывало объяснял:

– Я говорил тебе, что с хищниками почти всегда можно договориться, но они хитрецы, большие выдумщики и затейники! А уж своего никогда не упустят. Зато Агрес один стоит многих: он силен, умён, и ему подчиняются многие другие птицы и звери, кто из страха, кто из уважения, а кто из-за всего помаленьку. Но я знаю точно одно – сильно повезёт тому, на чьей стороне он окажется. И плохо будет тому, против кого он пойдёт войной! Кстати, забыл тебя предупредить! – дед, подняв указательный палец вверх, взглянул на меня исподлобья. Я насто-рожился, предчувствуя очередной подвох и неминуемую опасность для своего организма.

– В плаще, который я тебе дал, один из карманов – с сюрпризом. Он находится слева вверху, внутри. Ты не пугайся, если найдёшь там то, что никогда не клал, или потеряешь то, что положил.

Я удивлённо посмотрел на него, но решил воздержаться от комментариев.

– Зато этот плащ незаменим в походе. Он лёгок, прочен, удобен и в нём довольно много обычных карманов.

Я всё понял. Дормидорф оставался верен себе, подвергая меня очередной неведомой опасности. На этот раз он практически всучил мне плащ, начинённый миной замедленного действия, которая рано или поздно, но всё равно сработает! Я же обязательно всё забуду и как-нибудь залезу в этот развесёлый кармашек, а там гадюка или крокодил, или ещё чего-нибудь похлеще! Зашить его, что ли? А что, это мысль. Ладно, предъявлять претензии этому упрямцу бесполезно, с него всё как с гуся вода! Ничего-ничего, будет и на моей улице праздник, как частенько говаривает мой отец, тоже редкой души человек! Справедливое возмездие не заставит себя долго ждать, в этом можно не сомневаться. Не то чтобы я специально буду сидеть и думать: «А что бы мне такое каверзное сотворить?» Нет, я не такой, всё придумается и даже, может быть, сделается само по себе в самый нужный момент. У меня так всегда. Главное – не переборщить, не увлечься. Вот за этим и надо следить в оба, когда моя улица будет праздновать.

И мне сразу вспомнился мой младший братишка. В то далёкое время, когда он ещё был маленьким и пузатеньким сорванцом. Чудик ещё тот, надо сказать! Этот обормот имел одну особенность – чудным образом выпускал пар. Делал он это довольно часто, по несколько раз на дню, после того как его кто-нибудь накажет, разозлит или удачно подшутит. Обычно, за редким исключением, вся ответственность за предоставление подобных услуг ложилась на меня. Эффектным образом ворвавшись в свои владения, он театрально хлопал дверью и страшно вращал выпученными глазами, пускал ртом пузыри, показывая неизвестно кому, что он не на шутку возмущён и пребывает теперь в состоянии крайнего возбуждения! Сейчас его всем следует очень остерегаться, ведь он крайне опасен и за себя не ручается, а с его могуществом и страшной силой лучше никому не связываться лишний раз – только хуже будет! Затем, думая, что его никто не видит, он бормотал себе под нос угрозы, строил причудливые гримасы и принимал всевозможные величественные позы, любуясь при этом собой в отражении огромного лакированного, а потому и любимого шкафа. В такие моменты его невозможно было остановить, он угрожающе пыхтел, для пущей убедительности злобно шипел и, пугаясь самого себя, забавно басил с подвывом:

– Ну-уа, я вам всем ещё устро-оюу! Подождите только! У-уо, я вам всем покажу-у ещё, уо... Вы у меня все ещё узнаете, где раки зимуют! Всем покажу кузькину мать! О-ох, ну вы у меня и попляшете все-еа!.. Все... У-уо! Попляшете у меня все без исключения! У-ух!

Я в это самое время подглядывал за буйством его эмоциональной фантазии из какого-нибудь надёжного укрытия, давясь от смеха. Он метался перед полированной поверхностью шкафа, наслаждаясь собой до тех пор, пока я не выдерживал и не начинал смеяться в полный голос, ибо сдерживаться долго было невозможно, и сколько я ни крепился, силы быстро заканчивались! Узрев меня, он оскорблённо взмахивал походным плащом, которым ему обычно служила розовая фланелевая пелёнка, в былые времена предназначенная для покрытия царственного тела, когда его величество изволило воссесть на горшке-качалке. Но в данный-то момент это был походный плащ принца, завязанный замысловатым узелком у него на шее! Царская особа поспешно выбегала из комнаты, негодуяюще сверкнув на меня глазами, досадливо скрипя зубами и укоризненно шипя самое страшное и жуткое заклятие, которое должно было непременно разорвать меня изнутри или, по меньшей мере, вывернуть наизнанку. Но заклинание, на моё счастье, почему-то никогда не срабатывало.

Мы летели некоторое время молча. Я предавался воспоминаниям детства, а Дормидорф сосредоточенно думал. Теперь, когда я знал некоторые пристрастия и особенности коварного дедушки, меня терзали смутные подозрения: уж не мои ли воспоминания он пытался ловко подглядеть и нагло подслушать? Как это на него похоже! Ну да ладно!

Как я уже говорил, на спине у Агреса могли легко разместиться ещё три человека и небольшой диванчик в придачу. Мы полулежали на животах, зарывшись между перьев в самый пух. На поверхности оставались только плечи и голова, но при желании легко можно было спрятаться всему, целиком и полностью, да ещё и перемещаться внутри. Так, наверное, должна себя чувствовать блоха или вошь, зарывшаяся в собачьей шерсти. Чтобы накрепко застрять в том месте, где нужно, вполне достаточно было растопырить ноги. Перья росли слоями, плотно ложась одно на другое, образуя лёгкую и прочную броню. Я восхищался мощностью и силой этой птички. Это было всё равно, что лететь на живом истребителе. Агрес величественно взмахивал крыльями, а потом просто парил в воздухе, ловко используя наиболее сильные восходящие потоки.

Мы летели уже два часа или даже больше, когда начало помаленьку смеркаться. Прямо по курсу показались огни, по всей вероятности, небольшого городка. Оказалось, что нам именно туда и нужно. Агрес, плавно покачивая крыльями, осторожно и будто нехотя пошёл на посадку. Через некоторое время мы увидели опушку леса, а на ней множество пылающих костров. Какие-то тени сновали туда-сюда между шатров. Создавалось впечатление, что это место сбора великого войска. Со всех сторон появлялись и вновь исчезали разные существа, мягко выражаясь, довольно необычного вида, вырывающиеся из темноты дёргающимся светом ближайшего костра. Если бы мне когда-нибудь раньше вдруг довелось увидеть эдакое в простом нашем лесу, да ещё ночью, при свете костра, то – «привет родителям», как говорится! В такие моменты понимаешь, как прекрасна и дорога твоя тихая, спокойная, размеренная жизнь без лишних потрясений и неприятностей.

Мы приземлились невдалеке и отпустили Агреса слегка «попасться» в округе, предварительно условившись, что он прилетит, как только услышит условный сигнал, и не станет употреблять в пищу мирно разгуливающих вблизи лагеря животных. Сами же неспешно направились к лагерю.

«Вот мы, – подумал я, – и счастливо добрались до места!» А оказалось не совсем так, а точнее – совсем не так. Действительно, в письме вызывали деда явиться как можно скорее к месту сбора. Но в нем вовсе не объяснялось, что произошло и что от него, а вернее, от нас потребуется в дальнейшем.

Вопреки моим ожиданиям, мы не стали подходить ни к одному из костров и не зашли ни в одну из множества палаток, манящих к себе запахами пищи и приглушёнными голосами, смехом и мягким светом, струящимся из-под приоткрытых пологов, словом, всем тем, чего мы были лишены последние несколько часов. Старина Дормидорф bravо и уверенно вышагивал,

чуть не чеканя шаг, видимо, направляясь к определённом месту. Я скромно семеня шаг, раскрыв рот, то и дело спотыкаясь на ровном месте, заглядывая на всё вокруг, кажущееся таким необычным, загадочным, манящим.

Оказалось, в лагере у каждого свой очаг и шатёр со всем необходимым. Дед объяснил, что здесь испокон веку так принято, чтобы с высоты птичьего полёта сразу было видно, кто прибыл, а кого ещё нет.

Мы разожгли костёр в строго отведённом для нас месте и, кряхтя, расселись возле него, с наслаждением попивая горячий отвар, очень похожий на наш чай. Только дед заваривал его из каких-то расчудесных трав, собственноручно собранных в лесах и полях. Странно, что к нам никто не подходил и мы никуда не отлучались. А вокруг то и дело разжигались всё новые костры. Дормидорф сказал, задумчиво потирая и разглаживая бороду:

– Если и дальше люди будут прибывать в таком темпе, то очень скоро все будут в сборе, и собрание состоится в ближайшее время. Тебе придётся остаться здесь одному. Не волнуйся, это ненадолго. Можешь пока пойти в шатёр и отдохнуть: вздремнуть или заняться изучением потайных карманов своего плаща. Может так случиться, что нам придётся отправляться в путь сразу по моему возвращению, а ты не привык так долго летать, ещё, чего доброго, заснёшь на лету и свалишься.

Последнее он договорил с улыбкой, явно подшучивая. Но от усталости и выпитого чая мне и правда захотелось хоть немного вздремнуть. Подмешал он, что ли, туда чего-то сна творящего, чтоб я зря не околачивался без него по лагерю? И я, недолго думая, отправился в шатёр и завалился на боковую.

В шатре было тихо и уютно, а на матрасе, набитом соломой, мягко и тепло. Приятно пахло дымком, травой, и вокруг словно разлилось ощущение уверенного спокойствия. Я прилёг и задумался: где я был вчера, а где сегодня? Где окажусь завтра? У деда насыщенная событиями жизнь. А мы живём, топчась из года в год на одном месте. Лишь изредка переселиваем себя, чтобы сделать какую-нибудь, в принципе, никчёмную мелочь, а потом долго вспоминаем и гордимся собой: «Ах, какой я молодец, большое дело сделал! Нет, как ни крути, а я на редкость трудолюбивый человек».

Так думал я, пока глаза сами собой не закрылись и я не начал проваливаться в блаженную страну сна, где говорящий лось снёс большое страусиное яйцо и всем хвастал об этом, предлагая потрогать.

* * *

Глава 6

Новые друзья. Задание

Проснулся я от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо. Действительность резким потоком ворвалась в моё дремавшее сознание. Этим кто-то, этим трясуном был, конечно же, радостный Дормидорф. А за ним находились ещё какие-то люди, оживлённо обсуждавшие, судя по всему, что-то очень важное – уж больно запальчиво и возбуждённо, как мне показалось спросонья, звучали их голоса. Да и сами голоса были необычными.

Оказывается, едва я провалился в небытие, усыплённый отваром, как деда вызвали к центральному шатру, где произошёл важный разговор, о котором мне, естественно, знать не следовало. Вернулся Дормидорф уже не один, а с двумя странного вида помощниками, которые невообразимо голосили сейчас на улице возле костра.

Почему они показались мне странными? Начнём с того, что внешность этих людей диаметрально противоположно отличалась одна от другой, да и вели они себя не совсем обычно – оживлённо о чём-то спорили, причём с таким воодушевлением, будто от этого зависела, по меньшей мере, чья-то жизнь. Один был маленького роста, шустрый, резкий, словно детская неожиданность, и вместе с тем щупленький. Он обладал низким и звучным басовитым голосом, про такой ещё говорят: «иерихонская труба». Другой, напротив, высокий, не меньше двух метров роста, не толстый, но обладающий широкой костью и, по всему виду, врождённой силой. Стоило ему открыть рот, как всё впечатление портил его необычайно высокий, прямо-таки визгливый голосок.

Дормидорф коротко ввёл меня в курс дела:

– Мы получили задание. Похоже, скоро отбываем. Эти двое – наши помощники, чудные ребята, я их давно знаю, хоть и внешность у них не фонтан, но она, как известно, бывает обманчива. А это как раз такой случай! Именно с ними я обещал тебя познакомить. Видишь, выполняю своё обещание даже раньше, чем предполагал. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло! – глядя, как я продираю глаза и с трудом соображаю, что со мной и где я нахожусь, он продолжал: – выходи скорее знакомиться, хватит дрыхнуть! Ну ты и соня, оказывается!

Я неспешно вышел к костру, сонно шурясь на мерцающий свет:

– Дмитрий.

Спорщики переглянулись и приветливо улыбнулись мне. Первым представился большой и до смешного писклявый:

– Дорокорн.

А следом маленький и шустрый басом чуть ли не пропел, словно поп на песнопениях, желающий прихвастнуть нижним диапазоном голосины:

– Юриник.

У меня аж в ушах загудело и зачесалось! Да-а, разница была, как я уже имел удовольствие отметить, просто разительная. И если бы я не был так серьёзно настроен спросонья, то мне ужасно трудно было бы сдержать улыбку. А так ничего, вполне удалось сохранить серьёзность, даже особенно не напрягаясь при этом. Когда эта парочка молчала, то выглядели они солидно, смотрели надменно, особенно, как водится, гонористый щуплик. Но стоило услышать их голоса и увидеть манеру общаться, сразу так и подмывало улыбнуться. Мне долго пришлось привыкать к ним и крепиться, чтобы не рассмеяться. И даже сейчас я порой не могу сдержать улыбку, видя их, особенно вспоминая о том чудном времени, когда мы имели удовольствие впервые познакомиться.

Первое, что сделали эти двое, так это принялись ожесточённо спорить, обсуждая, когда нам лучше отправляться в дорогу. Мелкий и порывистый Юриник с небывалым напором и уверенностью в собственной правоте убеждал вылетать прямо сейчас, не медля ни минуты. Он считал, что чем быстрее, тем лучше, а отдохнуть можно и на рассвете.

– Быстрее – не значит лучше, глупая твоя голова! – кричал в ответ Дорокорн. – Сейчас не выспимся, на рассвете завалимся спать, полдня проспим, а в ночь опять лететь. Глупо, нерационально и алогично, батенька! Не лучше ли сейчас основательно отдохнуть и потом весь день лететь, а ночью уж как получится, смотря по самочувствию?

Дед, не дослушав их, постановил:

– Ладно, решено: три часа на отдых и еду, а потом – выступаем.

Эта весёлая парочка, нимало не расстроившись, направилась спать в шатёр. Я уже отдохнул, Дормидорф же был неутомим. Не знаю, откуда он черпал силы, видимо, обладал даром, который позволял ему за короткое время почти мгновенно расслабиться и таким образом быстро восстановиться. Я знавал и в своём мире подобных людей и всегда завидовал этому их умению. Да чего там далеко ходить! Моя любимая тётка учила своего сына, когда тот ещё только поступал в медицинский институт: «Да, тяжело! Потому тебе и надо учиться быстро расслабляться, когда есть такая возможность, и так же быстро сосредотачиваться! Тогда сделать сможешь лучше и больше! Учись, пока я жива!»

Мы с Дормидорфом уселись у костра и завели тихий разговор. Дед рассказал, что до них уже давно доходили слухи о племенах, живущих на окраинах. Будто бы там творится что-то неладное, вот мы и должны отправиться и выяснить, в чём дело. И не только выяснить, но и попытаться устранить причину. А для этого нам предстоит внедриться в одно из основных племён. Раньше информация об их жизни, передаваемая разведчиками и подтверждаемая животными, шла постоянно, а сейчас, как никогда, полная тишина. Доселе эти племена жили разрозненно, а теперь складывается впечатление, что кто-то их пытается объединить умелой рукой и привести к варварской цели. А чтобы посторонние не мешали, взял да и перекрыл все возможные пути добычи сведений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.